

СОВЕТ ЕВРОПЫ
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ИСМОИЛОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №2947/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 апреля 2008 года

Данное постановление вступит в силу при обстоятельствах, указанных в п.2 ст.44 Конвенции. Оно может подвергнуться редакционной правке.

По делу «Исмоилов и другие против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Кристос Розакис, *Председатель*,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николау, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *секретарь Секции*,

проведя закрытое заседание 27 марта 2008 года,

вынесли в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№2947/06) против Российской Федерации, поданной в Суд 18 января 2006 года в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двенадцатью гражданами Узбекистана, г-ном Илхомжоном Исмоиловым, г-ном Рустамом Наимовым, г-ном Иззатулло Мухаметсобировым, г-ном Абдуррауфом Мухамадсобировым, г-ном Сардорбеком Улughоджаевым, г-ном Оббосхоном Махмудовым, г-ном Умарали Алимовым, г-ном Кабулом Касимхуджаевым, г-ном Хуршидом Хамзаевым, г-ном Искандербеком Усмановым, г-ном Шкрулло Сабировым и г-ном Махмудом Рустамходжаевым, а также гражданином Кыргызстана, г-ном Мамиргоном Таштемировым («заявители»).

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена частичная компенсация расходов, связанных с ведением дела, представляла г-жа И. Соколова, юрист, практикующая в Иваново. Российское Правительство («Правительство») первоначально было представлено г-ном П. Лаптевым, бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии его Уполномоченным, г-жой В. Милинчук.

3. 7 августа 2006 года Председатель Палаты указал Правительству-ответчику, что заявители не должны быть экстрадированы в Узбекистан до дальнейшего указания (правило 39 Регламента Суда). 12 декабря 2006 года Суд решил, что обеспечительная мера должна оставаться в силе и решил рассматривать жалобу в приоритетном порядке (правило 41 Регламента Суда).

4. 12 декабря 2006 года Суд признал жалобу частично приемлемой и решил коммуницировать Правительству жалобы заявителей о том, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их риску дурного обращения и несправедливого суда, что их содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции является незаконным, что их содержание под стражей не является предметом эффективного судебного контроля, и что было нарушено их право на презумпцию невиновности. В соответствии с положениями п.3 статьи 29 Конвенции, он решил рассматривать приемлемость жалобы одновременно с её рассмотрением по существу.

5. И заявители, и Правительство представили свои объяснения. Объяснения были также получены от правозащитных организаций «Хьюман Райтс Уотч» и AIRE («Содействие защите индивидуальных прав в Европе») Центр, которым Председателем было разрешено участвовать в письменной процедуре (п.2 статьи 36 Конвенции и п.2 правила 44 Регламента Суда).

6. Правительство возражало против совместного рассмотрения приемлемости и существа жалобы. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Ситуация в Узбекистане: События в Андижане 13 мая 2005 года и их последствия

7. Согласно информации организации "Международная амнистия" и "Хьюман райтс уотч" в период с июня по август 2004 года двадцать три бизнесмена были арестованы в Андижане (Узбекистан). В сентябре 2004 года двадцать их сотрудников были задержаны в Ташкенте. Еще одна группа из тринадцати бизнесменов была арестована в Андижане в феврале 2005 года. Всех их обвинили в причастности к организации под названием Акрамия, в совершении уголовных преступлений и привлекли к судебной ответственности.

8. Узбекское правительство заявило, что Акрамия это экстремистская религиозная группа. Оно утверждало, что в своих записях лидер группы Акрам Юлдашев призывал к формированию Исламского государства в Узбекистане и снятию с занимаемых должностей законно избранных представителей государства. Оно также утверждало, что Акрамия является отделением Хизб-ут-Тахрир, которая в Узбекистане была отнесена к числу террористических организаций. В отличие от этого, Акрам Юлдашев всегда настаивал на том, что он не интересуется политикой. Он утверждал, что он никогда не призывал к свержению власти или к созданию Исламского государства. В его произведениях не затрагиваются политические вопросы, а говорится об общих моральных темах. Вокруг него образовался круг сочувствующих людей, которые пытались следовать в жизни его видению Ислама. Сторонники Акрама Юлдашева утверждали, что не существует такого понятия, как организованная группа, известная как Акрамия. Название "Акрамия" было придумано узбекским судом в 1999 году по имени Акрама Юлдашева. Кроме того, Акрам Юлдашев и его сторонники отрицали наличие каких-либо связей с Хизб-ут-Тахрир.

9. Вынесение вердикта в отношении двадцати трех бизнесменов ожидалось 11 мая 2005 года. Однако его объявление было отложено. Группа сторонников, которые собрались перед зданием суда в знак невиновности бизнесменов и которые требовали справедливости, были арестованы 11 и 12 мая 2005 года.

10. Рано утром 13 мая 2005 года вооруженные люди напали на ряд военных казарм и правительственных зданий в Андижане, убив и ранив несколько охранников, и захватив оружие и военные автомобили. Они ворвались в городскую тюрьму и освободили бизнесменов и сотни арестованных и осужденных заключенных, а позднее заняли здание областной администрации на главной площади и взяли несколько заложников.

11. В то же время тысячи безоружных мирных жителей собрались на главной площади, где многие высказывали требования о справедливости и необходимости покончить с бедностью. Когда начало вечереть силы безопасности окружили демонстрантов и начали без разбора стрелять по толпе. Демонстранты пытались бежать. По словам очевидцев, сотни людей - в том числе женщин и детей - были убиты. Узбекские власти отрицают ответственность за гибель людей, обвиняя в этом исламские "экстремистские" организации, таких как Акрамия и Хизб-ут-Тахрир, которые намеревались свергнуть правительства и создать Исламское государство в Узбекистане.

12. Сотни людей, подозреваемых в участии в событиях 13 мая, были задержаны и обвинены. Обвинения включали "терроризм" и преднамеренное убийство с отягчающими обстоятельствами - преступления, караемые смертной казнью, - а

также попытку свержения конституционного строя и организации массовых беспорядков. По меньшей мере, 230 человек были осуждены и приговорены к тюремным заключениям сроком от двенадцати до двадцати двух лет по обвинению в участии в беспорядках. Все судебные процессы за исключением одного, были закрытыми. Родственникам ответчиков и международным наблюдателям было отказано в доступе в зал суда. Наблюдатели Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и "Хьюман райтс уотч", которые присутствовали на единственном публичном судебном разбирательстве в период с сентября по ноябрь 2005 года, были единодушны в том, что судебный процесс не соответствовал международным стандартам. Они отметили, что все подсудимые признали себя виновными по обвинению в "терроризме" и просили помилования, а некоторые даже просили привести в исполнение смертный приговор в их отношении. Их признания, которые были получены у них до суда во время заключения без права переписки и общения, полностью соответствовали формулировке обвинительного заключения. Наблюдатели выразили обеспокоенность тем, что обвиняемых, возможно, подвергали пыткам и что их признания, возможно, были получены под принуждением. Приглашенным адвокатам не был разрешен доступ в места заключения или в зал суда и им препятствовали в представлении своих клиентов. Подсудимые были представлены государственным адвокатом, который не выстраивал активной защиты обвиняемых. Перекрестный допрос подсудимых или свидетелей не проводился, и противоречия в свидетельских показаниях не рассматривались. Свидетелей защиты не вызывали для дачи показаний. Обвинение не представило каких-либо судебно-медицинских, баллистических или медицинских заключений, равно как и не предоставило вещественных доказательств и вызвало в качестве свидетелей экспертов. Все подсудимые были признаны виновными преимущественно на основании своих признаний и приговорены к различным срокам тюремного заключения от четырнадцати до двадцати лет (см. доклад "Хьюман райтс уотч от 12 мая 2006 г. «Резня в Андижане: один год спустя, все еще нет справедливости»; и доклад от 21 апреля 2006 года ОБСЕ / БДИПЧ "Мониторинг судебного процесса в Узбекистане - сентябрь / октябрь 2005 г.").

В. Информация о заявителях и их приезд в Россию

13. Все заявители указали, что они мусульмане. Они отрицали членство в каких-либо политических или религиозных организациях.

14. В 2000 г. Мухамадсобиров был арестован в Узбекистане Службой национальной безопасности Узбекистана ("СНБ"). Он заявил, что агенты СНБ неоднократно его избивали, угрожали изнасиловать его жену и потребовали, чтобы он признался в планировании насильственного свержения государственной власти. Впоследствии его осудили за распространение листовок исламского содержания. В тюрьме г-на Мухамадсобирова неоднократно избивали надзиратели и пытали его электрошоком. Его помещали в карцер, если он молился. Еды не хватало и заключенные голодали. Его выпустили в 2003 году. Агенты СНБ неоднократно угрожали снова арестовать его и сфабриковать против него новые уголовные обвинения. Он уехал в Россию 19 февраля 2004 года.

15. Его брат, г-н Мухаметсобиров, переехал в Россию в 2000 году. С тех пор он проживал в России.

16. Г-н Касимхуджаев и г-н Рустамхуджаев проживали в России с 2001 года.

17. Г-н Усманов, г-н Наймов, г-н Махмудов и г-н Алимов были партнерами в частной компании в Ташкенте и Андижане. Г-н Исмоилов, г-н Улугхуджаев и г-н Сабилов были работниками в частных компаниях. Осенью 2004 года налоговыми органами и СНБ было начато расследование в отношении налоговой деятельности

компаний. Заявителей неоднократно спрашивали об их предпринимательской деятельности и об их предполагаемом участии в деятельности Акрамия, или об участии их родственников. Агенты СНБ пригрозили арестом г-ну Улугходжаеву и г-ну Сабирову. В январе 2005 года бизнес-партнеры г-на Усманова, г-н Махмудов и г-н Алимов, были арестованы.

18. Г-н Наимов был арестован сотрудниками СНБ в сентябре 2004 года и провел в заключении пятнадцать дней. Он заявил, что его неоднократно избивали и допрашивали о его деятельности и предполагаемом членстве в Акрамия. После освобождения его несколько раз вызывали в представительство СНБ, где агенты СНБ угрожали ему и его семье.

19. Г-н Усманов, г-н Наимов, г-н Махмудов, г-н Алимов, г-н Исмоилов, г-н Улугходжаев и г-н Сабиров уехали из Узбекистана в Россию в период с января по март 2005 года, опасаясь преследований.

20. Г-н Хамзаев владел компанией в городе Коканде (Узбекистан). Он никогда не был в Андижане. Он совершил деловую поездку в Россию 23 апреля 2005 года.

21. До 2003 г. г-н Таштемиров жил в Кыргызстане. В 2003 году он переехал в Турцию. Он никогда не был в Узбекистане. В июне 2005 года он отправился в деловую поездку в Россию.

22. 13 мая 2005 года все заявители, за исключением г-на Таштемирова и г-на Касымхуджаева, находились в России. Г-н Таштемиров был в Турции, а г-н Касымхуджаев в Андижане. Однако он отрицал какую-либо причастность к андижанским событиям.

23. После майских событий два брата г-на Исмоилова были арестованы. Их судьба остается неизвестной.

С. Арест заявителей и требование об их экстрадиции в Узбекистан

24. 2 февраля 2005 года Ташкентская Прокуратура обвинила г-на Наимова в членстве в Акрамия и предъявила ему обвинение в организации преступного сговора, попытке свержения конституционного строя Узбекистана, членстве в незаконной организации и владении и распространении подрывной литературы (Статьи 159 § 4, 242 § 1, 3 § 244-1 и 244-2 § 1 Уголовного кодекса Узбекистана). 25 мая 2005 года она выдала ордер на его арест.

25. 17, 18 и 19 июня 2005 года Прокуратура Узбекистана предъявила обвинение другим заявителям в членстве в экстремистских организациях, таких как Акрамия, Хизб-ут-Тахрир и Исламское движение Туркестана, финансировании террористической деятельности, попытке насильственного свержения конституционного строя Узбекистана, убийстве с отягчающими обстоятельствами и организации массовых беспорядков 13 мая 2005 года в Андижане (правонарушения в соответствии со Статьями 97 § 2 (а, г, к и м), 155 § 3 (а и б), 159 § 3 (б), 242 § 2 и 244 Уголовного кодекса Узбекистана). Некоторым заявителям были также предъявлены обвинения в участии в подрывной деятельности, незаконном хранении огнестрельного оружия, а также распространении материалов, которые могут подорвать общественную безопасность и общественный порядок, в сговоре с другими лицами, а также в финансовой поддержке со стороны религиозных организаций (статьи 161, 244-1 § 3, 244-2 и 247 § 3 Уголовного кодекса Узбекистана). В то же время Прокуратуры Ташкента и Андижана выдали ордер на арест заявителей.

26. В то время в Узбекистане убийство при отягчающих обстоятельствах (Статья 97 § 2 Уголовного кодекса) и терроризм (Статья 155 § 3 Уголовного кодекса) были правонарушениями, карающимися смертной казнью. Однако в Узбекистане была отменена смертная казнь с 1 января 2008 года и заменена пожизненным

заклучением. В отношении остальных правонарушений предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком от пяти до двадцати лет.

27. Заявители говорили о том, что 18 июня 2005 года они были арестованы в Иваново. Им не сообщили о причинах их ареста. 20 июня 2005 года они были допрошены агентами СНБ Узбекистана, которые избили их и угрожали им пытками в Узбекистане. Им сказали, что их заставят силой признаться в совершении различных преступлений и приговорят к длительным срокам тюремного заключения или смертной казни.

28. В документах, выданных различными государственными органами, указаны несогласованные даты и причины ареста заявителей. Так, 6 декабря 2005 года начальник Полицейского Участка Октябрьского района подтвердил, что г-н Исмоилов, г-н Усманов и г-н Таштемиров были арестованы 19 июня 2005 года и обвинены в административных правонарушениях за нецензурные высказывания в общественных местах, а также за отказ показать удостоверяющие личность документы. В полицейском рапорте от 20 июня 2005 года говорится, что заявители были арестованы в тот же день, поскольку они находились в розыске в узбекской полиции. Однако в письме от 16 января 2006 года, Региональное отделение милиции Иваново заявило, что все заявители были арестованы 19 июня 2005 года.

29. 20 июня 2005 года Ивановская милиция сообщила Ташкентской полиции об аресте заявителей. В тот же день Ташкентская Прокуратура направила просьбу в Ивановскую прокуратуру задержать заявителей под стражей в ожидании экстрадиции.

30. В июле 2005 года Генеральная Прокуратура Российской Федерации получила от Генеральной Прокуроры Республики Узбекистан запросы об экстрадиции заявителей. Узбекская Прокуратура заверила Россию в том, что без ее согласия заявителей не будут выдаваться третьим государствам или подвергаться судебному преследованию или наказанию за какие-либо правонарушения, совершенные до экстрадиции и которые не были упомянуты в запросе об экстрадиции. Она также заявила, что после отбывания наказания они смогут свободно покинуть Узбекистан.

31. 21 июля 2005 года дополнительные гарантии были даны Первым заместителем Генерального Прокурора Республики Узбекистан. Он дал обязательство о том, что заявители не будут подвергнуты смертной казни, пыткам, насилию и другим формам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Их право на защиту будут соблюдено, и им будут предоставлены адвокаты. Он далее заверил, что узбекские власти не намерены преследовать заявителей по политическим причинам, по причине их расы, этнического происхождения или религиозных или политических убеждений. Их намерение состояло в том, чтобы преследовать заявителей в уголовном порядке за совершение особо тяжких преступлений.

32. Ивановская прокуратура провела расследование и установила, что ни один из заявителей, кроме г-на Касымхуджаева, не покидал Россию в мае 2005 года. Г-н Касымхуджаев был в Андижане с 10 по 25 мая 2005 года. Г-н Таштемиров прибыл в Россию из Турции в июне 2005 года. Ни один из заявителей не производил денежные переводы в Узбекистан в 2005 году.

D. Жалоба о незаконном задержании

33. 14 июля 2005 года адвокат заявителей подал жалобу в Советский и Фрунзенский районные суды Иваново о том, что их задержание было незаконным. Она заявила, что заявителям не были вручены ордера на арест. 15 июля 2005 года (решения датированы 15 мая 2005 года, но это, очевидно, опечатка) Советский и

Фрунзенский районные суды Иваново вернули жалобы, поскольку адвокат не указал, каким действиям или бездействию государственных должностных лиц она хотела дать отвод, что сделало невозможным установление территориальной юрисдикции для рассмотрения жалоб.

34. Заявители не подали апелляцию.

Е. Ордер на арест

35. В отдельных решениях от 20, 25, 27, 28 и 29 июля 2005 года, Советский, Октябрьский, Фрунзенский и Ленинский районные суды Иваново приказали задержать заявителей в ожидании экстрадиции на основании Статей 108 и 466 от Уголовно-процессуального Кодекса России (см. пункты 85 и 87 ниже). Они сослались на тяжесть обвинений, а также на возможность побега, повторного нарушения или препятствования расследованию со стороны заявителей. Было также отмечено, что заявители бежали из Узбекистана в Россию. Суд счел, что не было возможности применить менее ограничительную меру, и что только содержание под стражей могло гарантировать их экстрадицию и "исполнение любого наказания, которые могли быть применены". Суды не ограничили задержание временными рамками.

36. 9 или 11 августа 2005 года Ивановский областной суд подтвердил эти решения по апелляции.

Г. Заявление об освобождении

37. 20 июня 2006 года адвокат заявителей попросил директора СИЗО освободить заявителей. В частности, она заявила, что согласно Статье 109 Уголовно-процессуального кодекса, установлен максимальный срок задержания на двенадцать месяцев (см. п. 85 ниже). Дальнейшее продление допускалось только при исключительных обстоятельствах. Поскольку срок задержания не был продлен после истечения двенадцатимесячного периода 20 июня 2006 года, дальнейшее задержание заявителей было незаконным.

38. 21 июня 2006 года директор СИЗО ответил, что статья 109 не распространяется на случаи содержания под стражей в ожидании экстрадиции, и отказался освободить заявителей.

39. Адвокат опротестовал этот отказ в суде в соответствии со Статьями 254 и 258 Гражданского кодекса (см. пункт 89 ниже). 26 и 28 июня 2006 года Октябрьский районный суд Иваново вернул жалобу, заявив, что она должна рассматриваться в рамках уголовного, а не гражданского судопроизводства. 31 июля, 7, 21 и 23 августа 2006 года Ивановский областной суд подтвердил эти решения по апелляции.

40. 30 июня 2006 года адвокат заявителей подала ходатайство в Прокуратуры Советского, Октябрьского, Фрунзенского и Ленинского районов об освобождении заявителей. 3 и 10 июля 2006 года Прокуратуры отклонили их заявления. Они указали на то, что во внутреннем законодательстве не установлены максимальные сроки содержания под стражей в ожидании экстрадиции, а также не установлены процедуры для продления такого рода задержания.

41. В июле 2005 года адвокат подала заявления об освобождении в Советский, Октябрьский, Фрунзенский и Ленинский районные суды Иваново. Она повторила аргументы, изложенные в ее жалобе от 20 июня 2006 года, и заявила, что директор СИЗО и прокуратура действовали незаконно, отказав в освобождении.

42. 1 августа 2006 года Советский районный суд отказался принять к рассмотрению заявления об освобождении. Он заявил, во-первых, что они не могут

быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства, поскольку против заявителей в России не было заведено уголовного дела. Кроме того, он считал, что во внутреннем законодательстве не установлен максимальный срок содержания под стражей в ожидании экстрадиции и добавил:

"Российское законодательство на деле запрещает чрезмерное недопустимо неограниченное и неконтролируемое задержание.

Задержание [Заявителей] не может быть охарактеризовано как недопустимо чрезмерное, неограниченное или неконтролируемое, поскольку оно не превысило срок, установленный в статье 109 Уголовно-процессуального кодекса.

[Заявители] содержатся под стражей в ожидании решения Генеральной прокуратуры об [их] экстрадиции в Узбекистан. Эти решения были приняты только [27, 31 июля и 1 августа 2006 года].

Кроме того, срок содержания под стражей [заявителей] был продлен в результате [их] ходатайства о предоставлении статуса беженцев в Ивановский областное представительство Федеральной миграционной службы и обжалования [ими] решений Федеральной миграционной службы в суде. Таким образом, задержание не является чрезмерным".

43. 24 августа 2006 г. Ивановский областной суд подтвердил это решение по апелляции. Он одобрил основание вынесенного Окружным судом решения и указал, что заявления должны быть рассмотрены в рамках гражданского судопроизводства.

44. 26 июля, 7 и 8 сентября 2006 г. Фрунзенский районный суд вернул заявления г-на Рустамходжаева и г-на Касымходжаева потому, что их заявления не могли быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства. Он также указал, что Статья 109 Уголовно-процессуального кодекса не распространяется на случаи содержания под стражей в ожидании экстрадиции. 17 октября 2006 г. Ивановский областной суд подтвердил эти решения по апелляции.

45. 28 июля и 4 сентября 2006 года Октябрьский районный суд не разрешил вынесение решений по заявлениям г-на Таштемирова, решив, что во внутреннем законодательстве не установлен максимальный срок содержания под стражей в ожидании экстрадиции, и что нет никаких оснований для изменения меры пресечения. 22 августа и 28 сентября 2006 года Ивановский областной суд подтвердил эти решения по апелляции.

46. Г-н Алимов оспорил отказ о его освобождении согласно Статье 125 Уголовно-процессуального кодекса (см. пункт 86 ниже). 18 сентября 2006 года Ленинский районный суд отказался принять его заявление к рассмотрению. Он вынес решение, что такие жалобы должны подаваться в суд, обладающий юрисдикцией в том месте, где проводилось предварительное следствие. Поскольку г-н Алимов не был субъектом какого-либо расследования в России, его ходатайство об освобождении не могло рассматриваться в рамках Российского уголовного судопроизводства. Он указал, что заявление об освобождении должно рассматриваться в рамках гражданского судопроизводства. 17 октября 2006 г. Ивановский областной суд отменил это решение как незаконное. 7 ноября 2006 года Ленинский районный суд отказался принять заявление к рассмотрению по тем же причинам, что и раньше. 5 декабря 2006 г. Ивановский областной суд подтвердил решение по апелляции.

47. Заявители вновь оспорили отказ об их освобождении в гражданском судопроизводстве. В отдельных решениях от 22 января 2007 года Октябрьский районный суд отказался разбирать заявления, поскольку они не могли быть приняты к рассмотрению в рамках гражданского судопроизводства. Он вынес решение, что заявления должны рассматриваться в рамках уголовного судопроизводства. 12 и 19 марта 2007 года Ивановский областной суд подтвердил решения по апелляции.

48. В январе 2007 года заявители безуспешно подавали прошения о своем освобождении в разные отделы прокуратуры.

49. В отдельных решениях от 2 и 5 марта 2007 года Советский, Ленинский, Октябрьский и Фрунзенский районные суды приказали, по своему собственному ходатайству, освободить заявителей. Они признали, что Статья 109 Уголовно-процессуального кодекса применима к содержанию под стражей в ожидании экстрадиции и установили максимальный срок содержания под стражей в размере восемнадцати месяцев. В связи с тем, что заявители содержались под стражей более двадцати месяцев, их должны были немедленно освободить.

50. 5 марта 2007 года заявители были отпущены на свободу.

51. 27 марта 2007 года Ивановский областной суд подтвердил решения от 2 и 5 марта 2007 г. по апелляции.

G. Заявление о предоставлении статуса беженцев

52. 5 августа 2005 года заявители подали заявление в Федеральную миграционную службу России ("ФМС") о предоставлении им статуса беженцев. В частности, они заявили, что покинули Узбекистан, опасаясь преследований в связи со своей предпринимательской деятельностью. Они утверждали, что некоторые из заявителей или их родственники подвергались в прошлом незаконному уголовному преследованию. Они отрицали членство в Акрамия и участие в событиях в Андижане. Они утверждали, что обвинения против них были беспочвенными, и что их преследование носит произвольный характер и обусловлено политическими интересами.

53. 25 января 2006 года Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев ("УВКБ ООН") вмешалось в дело, поддержав их заявления. Управление заявило, что Акрамия это мирная ненасильственная группа последователей учения Акрама Юлдашева. В своих писаниях Акрам Юлдашев призывал мусульманских бизнесменов сотрудничать и помогать бедным. Не имелось никаких свидетельств того, что группы участвовала в какой-либо экстремистской деятельности. Считается, что успешные мусульманские бизнесмены подвергались преследованиям в Узбекистане из-за их популярности и влияния на местное население. Далее говорилось:

"По мнению УВКБ ООН в Узбекистане уголовное преследование лиц, обвиняемых в участии в деятельности экстремистской религиозной организации, может быть по своему характеру произвольным, и может привести к нарушению неотъемлемых прав человека, включая произвольный арест, пытки, нарушение гарантий справедливого судебного разбирательства, наложение штрафных санкций, которые не соответствуют совершенному преступлению. Кроме того, так как узбекские власти не терпят никаких форм оппозиции, существует высокий риск приписывания членства в таких религиозных организациях людям, известным своими оппозиционными воззрениями, или которые считаются властями сторонниками оппозиционных групп. Таким образом, существует большой риск того, что люди, которые участвуют в деятельности таких религиозных организаций, или кому такое участие приписывается властями, могут подвергаться преследованиям по причинам, перечисленным в Конвенции 1951 года о статусе беженцев, ратифицированной в Российской Федерации в 1993 году, особенно принимая во внимание отсутствие эффективного механизма правовых гарантий [в Узбекистане]".

54. Далее УВКБ ООН привело аргументы, что риск преследования возрос после андижанских событий.

55. 10 февраля 2006 года организация "Хьюман райтс уотч" также поддержала просьбу заявителей о предоставлении им статуса беженцев. Они заявили следующее:

"Мы глубоко обеспокоены судьбой [заявителей], если их просьбы будут отклонены, и их выдадут Узбекистану. Это будет нарушением запрета на возвращение лиц в страну, где они подвергаются риску пыток ... В Узбекистане ... пытки происходят систематически. Люди, обвиняемые в участии в андижанских событиях, подвергаются повышенному риску применения

пытках: у нас есть десятки документально подтвержденных случаев «вытягивания» признаний при помощи пыток и других форм бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

Признания, полученные под давлением, служат основанием для уголовного преследования. Судебные разбирательства в отношении людей, обвиняемых в связи с кровавой резней в мае в Андижане, далеки от международных процессуальных стандартов. Суды в Узбекистане не являются независимыми, обвиняемые были лишены права на эффективную защиту, а обвинительные приговоры основываются исключительно на сомнительных признаниях обвиняемых и заявлениях свидетелей обвинения. В нарушение узбекского и международного права дела десятков подсудимых рассматриваются в рамках закрытых судебных заседаний. Серьезные сомнения в справедливости судебных разбирательств в Андижане были высказаны Верховным комиссаром ООН по правам человека".

56. 16 марта 2006 года заместитель начальника территориального Управления ФМС России по Ивановской области отклонил заявления со ссылкой на разделы 1 § 1 (1) и 2 § 1 (1 и 2) Закона о беженцах (см. пункты 92 и 93 ниже). Он нашел, что заявители не подвергались преследованию за своим политическим или религиозным убеждением, или свой социальный статус. Они были привлечены к уголовной ответственности за совершение тяжких уголовных преступлений, которые караются по российскому уголовному праву. В частности, они обвинялись в поддержке Хизб-ут-Тахрир и Исламского движения Туркестана, которые были признаны Верховным Судом России в качестве террористических организации, и деятельность которых была запрещена в России. Он далее отметил, что узбекские власти обязались не применять смертную казнь в отношении заявителей и гарантировать, чтобы их не подвергали пыткам или жестокому обращению, а также предоставить им защитника в суде.

57. Заявители оспорили отказ в Октябрьском районном суде Иваново. Они утверждали, что реальные мотивы их преследования были политическими, и что они в действительности подвергнутся преследованиям за свою успешную предпринимательскую деятельность. Они также заявили, что существует большой риск того, что они будут подвергнуты пыткам и несправедливому судебному разбирательству в Узбекистане.

58. 8, 9, 13, 15 и 16 июня 2006 года Октябрьский районный суд подтвердил решение от 16 марта 2006 года. Было установлено, что заявители прибыли в Россию в поисках работы. Они не доказали, что они покинули Узбекистан из страха подвергнуться преследованиям по причине своих религиозных или политических убеждений или социального статуса. В нескольких решениях в отношении заявителей также было добавлено следующее:

"Суд считает, что территориальное Управление Федеральной миграционной службы по Ивановской области... правильно оставил без внимания андижанские события и их последствия, поскольку [заявители] отрицали ... участие в этих событиях и приехали в Россию задолго до их происхождения".

59. Суд пришел к выводу, что заявители не отвечали требованиям раздела 1 § 1 (1) Закона о беженцах и, следовательно, не могли претендовать на статус беженца. Тем не менее, он отменил ссылку в решениях от 16 марта 2006 г. на раздел 2 § 1 (1 и 2) Закона о беженцах, поскольку узбекские власти не доказали, при отсутствии разумного, обоснованного сомнения, что заявители, совершили преступления против мира, военные преступления, преступления против человечества и серьезные, неполитическое преступления.

60. 5 июля 2006 года УВКБ ООН предоставило заявителям мандатный статус беженца.

61. 12, 17, 19, 24 и 26 июля 2006 года Ивановский областной суд оставил в силе решения Октябрьского районного суда по апелляции.

62. 14 августа 2006 заявители подали заявления в территориальное Управление ФМС России по Ивановской области о предоставлении временного убежища по

гуманитарным причинам. Они утверждали, что им грозит плохое обращение и несправедливый судебный процесс в Узбекистане.

63. 14 ноября 2006 года исполняющий обязанности начальника территориального Управления ФМС России по Ивановской области отклонил их заявления. Он счел, что не существует гуманитарных соображений, в соответствии с которыми предоставляется временное убежище. Заявители были в добром здравии, в Узбекистане не происходил военный конфликт, а ситуация в области соблюдения прав человека улучшилась. В частности, согласно докладу ФМС России о ситуации в Узбекистане были приняты более 300 законов, касающихся защиты прав человека. Верховный суд издал циркуляр, предостерегающий против вынесения обвинительных судебных решений на основе признаний, которые вымогались под принуждением или в заключении с лишением права переписки и общения. Смертная казнь была отменена с 1 января 2008 года.

64. Заявители оспорили отказ в Октябрьском районном суде Иваново, повторив свои опасения по поводу жестокого обращения и несправедливого судебного разбирательства в Узбекистане. Они представили доклады Генеральной Ассамблеи ООН, Специального докладчика ООН по вопросам о пытках и "Хьюман райтс уотч" в поддержку своих утверждений.

65. В отдельных решениях от 30 ноября, 1, 4 и 11 декабря 2006 года Октябрьский районный суд отменил решения от 14 ноября 2006 года. Было установлено, что доклады, представленные заявителями, содержали убедительно подтвержденные документальными доказательствами свидетельства о широко распространенной практике пыток в Узбекистане. Исполняющий обязанности начальника территориального Управления ФМС России по Ивановской области проигнорировал эти доклады. Кроме того, он проигнорировал тот факт, что заявителям был предоставлен мандатный статус беженцев УВКБ ООН. Вывод о том, что заявители не подвергнутся риску жестокого обращения, в случае возвращения в Узбекистан, был гипотетическим и не был документально подтвержден. Доклад ФМС России о ситуации в Узбекистане не мог быть принятым в качестве доказательств, поскольку он являлся общим и не содержал каких-либо ссылок на источники информации. Суд перенаправил ходатайство заявителей о предоставлении временного убежища на проведение нового исследования территориальным Управлением ФМС России по Ивановской области.

66. Территориальное Управление ФМС России по Ивановской области подало апелляцию. 29 февраля 2007 года Ивановской областной суд оставил в силе решения Октябрьского районного суда в отношении г-на Махмудова, г-на Улугходжаева и г-на Хамзаева. 30 января 2007 года территориальное Управление ФМС России по Ивановской области отозвало свои апелляции в отношении оставшейся части заявителей.

67. Получается, что до сих пор никакого решения в отношении просьбы заявителей о предоставлении временного убежища не было принято.

Н. Решение об экстрадиции заявителей и последующее апелляционное производство

68. 27, 31 июля и 1 августа 2006 года первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации принял решение об экстрадиции заявителей в Узбекистан. В решениях в отношении некоторых кандидатов говорилось следующее:

"В ночь на 12-13 мая 2005 [заявитель], действуя в преступном сговоре и будучи членом религиозной экстремистской организации Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами, совершил следующие преступления при отягчающих обстоятельствах: покушение на свержение конституционного

порядка Республики Узбекистан, убийство, терроризм и организовал массовые беспорядки в Андижане с целью дестабилизации социально-политической ситуации в Узбекистане".

69. В решениях в отношении других заявителей говорилось следующее:

"[Заявитель] был членом экстремистской организации; в сговоре с другими лицами и при финансовой поддержке со стороны религиозных организаций он распространял материалы, которые могут подорвать общественную безопасность и общественный порядок. В ночь на 12-13 мая 2005 [заявитель], действуя в преступном сговоре и будучи членом религиозной экстремистской организации Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами, незаконно получил оружие и боеприпасы и совершил следующие преступления при отягчающих обстоятельствах: попытка свержения конституционного строя Республики Узбекистан, убийство, терроризм, подрывная деятельность, а также организовал массовые беспорядки в Андижане с целью дестабилизации социально-политической ситуации в Узбекистане".

70. Приказы об экстрадиции были выданы в отношении убийства при отягчающих обстоятельствах, терроризма, создания и членства в незаконной организации, незаконного хранения оружия и участия в массовых беспорядках. Однако прокурор отказался выдавать заявителей за попытку свержения конституционного строя Республики Узбекистан и распространение материалов, могущих подорвать общественную безопасность и общественный порядок в сговоре с другими лицами и при финансовой поддержке со стороны религиозных организаций, потому что согласно российскому уголовному праву это не считалось преступлением.

71. Адвокат заявителей опротестовала решения в суде. В частности, она заявила, что 13 мая 2005 заявители были в России, и отрицала какую-либо причастность к событиям в Андижане. Обвинения против них были необоснованными, и они в действительности подвергались преследованиям со стороны узбекских властей по причине их политических и религиозных убеждений и их успешного бизнеса. Заявителям были предъявлены обвинения в совершении тяжких преступлений, а также существовала опасность того, что их приговорят к смертной казни после несправедливого судебного разбирательства. К ним также могли применяться пытки и другие формы жестокого обращения, потому что пытки в Узбекистане были широко распространены, а подсудимых зачастую заставляли давать признательные показания под давлением. Она также утверждала, что в документах, которые были представлены узбекской прокуратурой в поддержку требования об их выдаче, были недостатки. Наконец, она заявила, что формулировка решения о выдаче нарушала права заявителей на презумпцию невиновности.

72. 29 и 30 августа, 1, 4, 5, 12, 13, 14, 15 и 21 сентября 2006 года Ивановский областной суд поддержал решения о выдаче. Он вынес решение о том, что заявители обвинялись в преступлениях, наказуемых в соответствии с уголовным правом Узбекистана и России, при этом, узбекские власти дали заверения в том, что заявители не будут подвергнуты пыткам или приговорены к смертной казни, а также указал, что узбекские и российские власти следовали процедурам экстрадиции, изложенным в действующем международном и внутригосударственном праве. Суд отверг предположение о том, что заявители будут подвергнуты бесчеловечному обращению и что их права будут нарушены в Узбекистане. Кроме того, он счел, что вопрос о виновности или невиновности заявителей не входит в компетенцию властей, производящих экстрадицию. В решении о выдаче лишь описывались обвинения, выдвинутые против заявителей, и не содержалось каких-либо выводов об их виновности. Таким образом, презумпция невиновности не была нарушена.

73. Заявители подали апелляцию. 28 ноября 2006 года Верховный суд Российской Федерации подтвердил решения по апелляции, придя к выводу о том, что они являются законными и обоснованными.

I. Доклады об Узбекистане, подготовленные Учреждениями ООН и НПО

74. В своем докладе, представленном в соответствии с Резолюцией 2002/38 (E/CN.4/2003/68/Add.2) Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека, Специальный докладчик по вопросам о пытках Тео ван Бовен, описал ситуацию в Узбекистан следующим образом:

"66. Сочетание несоблюдения принципа презумпции невиновности, несмотря на то, что он гарантируется Конституцией (статья 25) и [Уголовно-процессуальным кодексом] (статья 23), дискреционных полномочий следователей и прокуроров в отношении вопросов, связанных с доступом к заключенным адвокатым и родственникам, а также отсутствие независимости судебной системы и предполагаемые угрожающие масштабы коррупции в судебных и правоохранительных органах, способствуют использованию незаконных методов расследования. Чрезмерные полномочия прокуроров в общем уголовном судопроизводстве, которые одновременно должны проводить и контролировать предварительное уголовное расследование, предъявлять обвинения и осуществлять контроль за соблюдением существующих правовых гарантий против пыток в ходе уголовного расследования и в местах лишения свободы, ставят расследование жалоб в чрезмерную зависимость от их доброй воли.

67. Специальный докладчик выражает сожаление по поводу отсутствия правовых гарантий, таких, как право на *хабеас корпус* и право на оперативный и конфиденциальный доступ к адвокату и родственникам. Далее он отмечает, что люди в предварительном заключении содержатся в помещениях, которые находятся под той же юрисдикцией что и следователи по делу ...

68. Специальный докладчик считает, основываясь на многочисленных свидетельских показаниях (включая ряд смертельных случаев во время содержания под стражей), полученных им в ходе поездки, и не в последнюю очередь от тех лиц, чей страх проявился в том, что они просили анонимности, и которые, таким образом, не извлекали личную выгоду от своих утверждений, что пытки или аналогичные виды жестокого обращения носят систематический характер, что и было определено Комитетом против пыток. Несмотря на то, что только небольшое число случаев пыток может быть доказано с абсолютной уверенностью, многочисленные собранные показания настолько последовательны в своих описаниях методов пыток, а также мест и обстоятельств, при которых совершаются пытки, что широту применения и стойкий характер пыток во время проведения расследований невозможно отрицать. Специальный докладчик также отмечает, что пытки и другие формы жестокого обращения, очевидно, используются без разбора в отношении лиц, обвиняемых в деятельности, квалифицированной как тяжкие преступления, такой как действия, направленные против государственных интересов, а также в отношении мелких преступников и других".

75. Верховный Комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека также заявил в своем докладе от 1 февраля 2006 года под названием "Доклад Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и последующие мероприятия по итогам Всемирной конференции по правам человека. Доклад по результатам поездки делегации Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) в Кыргызстан, связанной с событиями в Андижане, Узбекистан, 13-14 мая 2005 года" (E/CN.4/2006/119):

"42. Основные актуальные проблемы, выявленные правозащитными организациями, с которыми ООН заключило договора, и специальными процедурами Комиссии можно кратко изложить следующим образом: нарушения права на жизнь, в частности, казнь заключенных, приговоренных к смертной казни, несмотря на просьбы о временных мерах со стороны Комитета по правам человека; нарушение принципа о запрещении применения пыток, в частности, систематическое и широко распространенное применение пыток, большое число обвинительных приговоров, основанных на признательных показаниях, полученных под пытками, и использование показателя "раскрываемости преступлений" в качестве критерия для продвижения по службе сотрудников правоохранительных органов; нарушение положений о справедливом судебном разбирательстве, в частности, отсутствие доступа к адвокату, отсутствие независимости судебной системы и соблюдения принципа "равенства сторон"; отсутствие определение "террористические акты"; а также нарушение права на свободу мнений и самовыражения, печати и средств массовой информации и на свободу ассоциаций и вероисповедания ...

55. Существует острая необходимость для приостановки депортации в Узбекистан узбекских просителей убежища и свидетелей андижанских событий, которые могут столкнуться с риском пыток в случае их возвращения".

76. В своем докладе от 20 сентября 2005 года, "Узбекистан: снятие блокады с правды об Андижане", Международная амнистия отметила:

"Международная амнистия" обеспокоена сообщениями о предполагаемых пытках и других видах жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, последовавших после событий в Андижане. Люди, которые были задержаны и впоследствии освобождены, заявили, что задержанные подвергаются различным формам пыток и других видов жестокого обращения, включая избиения, битье резиновыми дубинками по пяткам, а также введение игл в десны и под ногти. Согласно сообщениям пытки и другие виды жестокого обращения использовались, чтобы заставить задержанных "признаться" в причастности к религиозному экстремизму. Полицейский старшего звания, говоривший на условиях анонимности с IWPR (*Институт по освещению войны и мира*), заявил, что они были свидетелями того, как сотрудники правоохранительных органов угрожали изнасиловать родственницу задержанного женского пола, если он не признается в причастности к событиям в Андижане. "Международная амнистия" также получила сообщения о том, что задержанные подвергались сексуальному насилию дубинками ...

"Международная амнистия" считает, что лицам, обвиняемым в связи с событиями в Андижане, грозит серьезная опасность подвергнуться судебному разбирательству, которое нарушает даже самые элементарные международные стандарты справедливого судебного разбирательства. В апреле 2005 года Комитет ООН по правам человека выразил озабоченность по поводу продолжающихся нарушений права на справедливое судебное разбирательство в Узбекистане... В частности, Комитет выразил обеспокоенность тем, что судебная система не является полностью независимой, и указал на большое число обвинительных приговоров, основанных на "признаниях", сделанных в предварительном заключении, которые предположительно были получены при помощи пыток или других видов жестокого обращения. Комитет также выразил озабоченность тем, что право на доступ к адвокату с момента ареста на практике часто не соблюдается...

1 августа 2005 года правительство объявило о том, что оно отменит смертную казнь с 1 января 2008 года. "Международная амнистия" приветствует такое развитие событий, но обеспокоена тем, что если не будут произведены немедленные кардинальные изменения, то десятки людей могут быть приговорены к смерти и казнены до января 2008 года. В предыдущих докладах "Международной амнистии" имеется документальное подтверждение того, что недостатки в системе уголовного судопроизводства в Узбекистане создают благоприятную почву для вынесения несправедливых приговоров и для совершения казней в результате судебной ошибки или откровенно несправедливых судебных разбирательств. "Международная Амнистия" также обеспокоена тем, что заявление, сделанное в августе 2005 года, может оказаться слишком запоздалым для того, чтобы защитить тех людей, которые были обвинены в преступлениях, караемых смертной казнью - умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и терроризм - в связи с событиями в Андижане. "Международная амнистия" считает, что эти лица подвергаются большому риску нарушения их права на жизнь, в результате вероятного назначения смертной казни, которая последует после, скорее всего, несправедливого судебного разбирательства. Смертная казнь сыграла важную роль в ограничении "религиозного экстремизма" в Узбекистане и несколько десятков подозреваемых в причастности к "исламистам" были приговорены к смерти и казнены без предоставления им права на эффективную помощь адвоката и для подготовки защиты ... В апреле 2005 года Комитет по правам человека выразил сожаление тем, что, по меньшей мере, 15 человек были казнены узбекскими властями, в то время как их дела находились на рассмотрении в Комитете по правам человека".

77. В заключение Международная амнистия заявила:

"Международная амнистия" беспокоится за безопасность всех тех лиц, которые были задержаны в связи с событиями в Андижане. Эти опасения основаны на убедительно подтвержденной документальными доказательствами истории нарушений прав человека во имя национальной безопасности в Узбекистане. "Международная амнистия" считает, что все задержанные таким образом лица, подвергаются серьезной опасности подвергнуться пыткам и другим видам жестокого обращения. "Международная амнистия" также считает, что те лица, которые были обвинены в совершении уголовных преступлений, подвергаются риску такого судебного разбирательства, которое нарушает международные стандарты справедливого судебного разбирательства. ... [Л]ицо[а] которые были обвинены в преступлениях, караемых смертной казнью, подвергаются большому риску нарушения их права на жизнь, в результате вероятного применения смертной казни после несправедливого судебного разбирательства".

Ж. Информация о судьбе лиц, ищущих убежища, выданных Узбекистану

78. В своем докладе от 18 октября 2006 года "Положение в области прав человека в Узбекистане" (А/61/526) Генеральный секретарь ООН выразил обеспокоенность судьбами лиц, выданных Узбекистану после андижанских событий:

"18. 9 августа 2006 года Правительство Кыргызстана выдало четырех узбекских беженцев и одного претендента на убежище в Узбекистан... Вернувшись в Узбекистан, пять граждан Узбекистана предстали перед судом по обвинению в серии преступлений, включая терроризм, попытку свержения конституционного строя Республики Узбекистан и создание подпольной организации. Согласно информации, полученной УВКПЧ, никому не был предоставлен доступ к этим пяти лицам с момента их возвращения.

19. Судьба четырех других узбекских граждан, которые бежали после Андижанских события в Кыргызстан и были насильственно возвращены в Узбекистан в июне 2005 года, остается неясной. Хотя правительство Узбекистана проинформировало УВКПЧ об их местонахождении, ни одна международная организация не получила к ним доступ до сих пор.

20. УВКБ ООН продолжает испытывать озабоченность по поводу судеб все большего числа узбекских просителей убежища и беженцев, часть из которых бежала после андижанских событий, которые были задержаны в странах Содружества Независимых Государств и принудительно возвращены в Узбекистан, несмотря на реальную опасность подвергнуться жестокому обращению в нарушение международных стандартов. В феврале 2006 года 11 узбекских просителей убежища были насильственно возвращены из Украины в Узбекистан. В заявлении для прессы от 16 февраля 2006 года УВКБ ООН заявило о том, что оно потрясено такой насильственной депортацией. До настоящего времени Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) не получило доступ к этим 11 людям... Согласно информации, полученной УВКПЧ, к этим людям не был получен доступ с момента их возвращения в Узбекистан.

21. УВКПЧ обеспокоено по поводу других лиц, которые бежали после андижанских событий, и на которых оказывается давление со стороны правительства Узбекистана или принимающей страны, чтобы они вернулись, несмотря на реальный риск жестокого обращения в нарушение международных стандартов ...

46. В интервью от 10 апреля 2006 года, Специальный докладчик по вопросу о пытках заявил, что "существует достаточно доказательств того, что как полиция, так и другие силы безопасности пытали и продолжают систематически применять пытки, в частности, против диссидентов или людей, которые являются противниками режима"...

48. Комитет по правам человека, в своих заключительных замечаниях от 31 марта 2005 г. (ССРР/ОР/83/UZB), продолжает испытывать беспокойство по поводу высокого числа обвинительных приговоров, основанных на признаниях, сделанных в ходе досудебного заключения, которые предположительно были получены с помощью методов, несовместимых со Статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах. Комитет выразил обеспокоенность в связи с определением пытки в Уголовном кодексе Узбекистана. Кроме того, Комитет указал на обвинения, связанные с широкомасштабным применением пыток и жестоким обращением с задержанными, и на незначительное число должностных лиц, которым были предъявлены обвинения, которых подвергли преследованию в уголовном порядке и осудили за совершение таких деяний. В соответствии с просьбой Комитета Правительство Узбекистана должно было представить дополнительную информацию по этим вопросам к 26 апреля 2006 года. До сих пор такая информация не была предоставлена Комитету по правам человека".

79. В докладе от 11 мая 2006 года, под названием "Узбекистан: Андижан - безнаказанность не должна возобладать", "Международная амнистия" заявляет:

"Десятки людей, подозреваемых в участии в андижанских событиях, были приговорены к длительным срокам заключения, в подавляющем большинстве случаев в рамках закрытых тайных судебных разбирательств, и в нарушение международных норм справедливого судебного разбирательства. Большинство из них нескольких месяцев провели в предварительном заключении без права переписки и общения..."

Узбекские власти также продолжали активно - и зачастую успешно - добиваться экстрадиции членов или подозреваемых членов запрещенных исламских партий или движений, таких как Хизб-ут-Тахрир и Акрамия, которых они обвиняли в участии в андижанских событиях, из соседних стран, а также из России и Украины. Большинство мужчин, насильственно возвращенных в Узбекистан,

продолжают содержаться в строгой изоляции, тем самым, увеличивая опасения того, что они рискуют подвергнуться пыткам или иным видам жестокого обращения. В течение нескольких лет "Международная амнистия" документально зарегистрировала большое количество случаев, когда людей принудительно выслали или экстрадировали в Узбекистан по просьбе узбекских властей, и которые подвергались пыткам с целью получения "признаний", приговаривались к смертной казни после несправедливого судебного разбирательства и были казнены".

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО И СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

A. Содержание под стражей в ожидании экстрадиции и судебный надзор за содержанием под стражей

1. *Российская Конституция*

80. Конституция гарантирует право на свободу (Статья 22):

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, помещение под стражу и содержание под стражей допускается только на основании судебного решения. До судебного решения человек может содержаться под стражей не более сорока восьми часов".

2. *Европейская конвенция об экстрадиции*

81. В статье 16 Европейской конвенции об экстрадиции от 13 декабря 1957 года (CETS № 024), участницей которой является Россия, предусмотрено следующее:

"1. В случае срочности компетентные органы ходатайствующей Стороны могут обратиться с просьбой о предварительном аресте разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны должны решать вопрос в соответствии со своим законодательством.

...

4. Предварительный арест может быть прекращен, если в течение 18 дней после ареста запрашиваемая Сторона не получила просьбу о выдаче и документы, указанные в Статье 12. В любом случае он не должен превышать 40 дней со дня такого ареста. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона должна предпринять любые меры, которые оно считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица".

3. *Минская Конвенция 1993 года*

82. В Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция 1993 года), участниками которой являются Россия и Узбекистан, предусмотрено, что просьба о выдаче должна сопровождаться ордером на арест (Статья 58 § 2).

83. Человек, в отношении которого запрашивается экстрадиция, может быть задержан до получения требования о его выдаче. В таких случаях необходимо направлять специальную просьбу об аресте, содержащую ссылку на ордер об аресте, и указывающую, что запрос о выдаче будет предоставлен в будущем. Человек может быть арестован и в отсутствие такого запроса, если имеются основания подозревать, что он совершил преступления, влекущие за собой экстрадицию, на территории другой Договаривающейся Стороны. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно проинформирована об аресте (Статья 61).

84. Лицо, арестованное в соответствии со Статьей 61 должно быть освобождено, если в течение сорока дней после ареста не получено ходатайства о его выдаче, (Статья 62 § 1).

4. Уголовно-процессуальный кодекс

85. Глава 13 российского Уголовно-процессуального кодекса ("Меры пресечения") регулирует использование мер пресечения, или превентивные меры (*меры пресечения*), которые, в частности, включают содержание под арестом. Содержание под арестом может быть приказано судом по ходатайству следователя или обвинителя, если человек обвинен в преступлении, по которому предусмотрено заключение на срок минимум два года, при условии, что не может быть применена менее ограничительная мера пресечения (Статья 108 § 1 и §3). Срок содержания под стражей в ожидании экстрадиции не может превышать двух месяцев (Статья 109 § 1). Судья может продлить этот срок до шести месяцев (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока до двенадцати месяцев, или при исключительных обстоятельствах, до восемнадцати месяцев, может быть произведено только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких уголовных преступлениях (Статья 109 § 3). Продление срока более чем на восемнадцать месяцев недопустимо и задержанный должен быть немедленно освобожден (Статья 109 § 4).

86. В главе 16 ("Жалобы на действия и решения судов и должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве") предусматривается судебный пересмотр решений и действий или бездействия следователя или прокурора, которые могут негативно сказаться на конституционных правах или свободах участников уголовного судопроизводства (Статья 125 § 1). Компетентным судом является тот суд, чья юрисдикция распространяется на то место, где проводится предварительное расследование (там же).

87. В главе 54 ("Экстрадиция лица с целью уголовного преследования или исполнения приговора") регулируются процедуры экстрадиции. После получения запроса о выдаче, к которому не прилагается ордер на арест, выданный иностранным судом, прокурор должен принять решение о мере пресечения в отношении лица, выдача которого запрашивается. Мера должна применяться в соответствии с установленной процедурой (Статья 466 § 1). Лицо, которому было предоставлено убежище в России в силу возможного политического преследования в том Государстве, которое ходатайствует о его выдаче, не может быть выдано этому Государству (статья 464 § 1 (2)).

88. Решение об экстрадиции, выданное Генеральным прокурором может быть опротестовано в суде. Вопросы виновности или невиновности не входят в круг судебного рассмотрения, которое ограничивается лишь оценкой правильности оформления ордера о выдаче в соответствии с процедурой, установленной в соответствующем международном и национальном законодательстве (Статья 463 § 1 и § 6).

5. Гражданско-процессуальный кодекс

89. Человек может ходатайствовать о судебном пересмотре решений и действий или бездействия Государственных органов или Государственных чиновников, которые способны нарушить его/ее права или свободы, препятствовать реализации его/ее прав и свобод, или незаконно налагать обязательства или ответственность (Статьи 254 § 1 и 255). Если суд признает заявление обоснованным, то он должен приказать Государственному органу или Государственному чиновнику устранить нарушения или убрать препятствие на пути реализации указанных прав и свобод (Статья 258 § 1).

6. Прецедентное право Конституционного Суда

90. 4 апреля 2006 г. Конституционный суд рассмотрел заявление г-на Насруллоева, который заявил, что отсутствие каких-либо ограничений по времени в отношении заключения под стражу человека в ожидании экстрадиции несовместимо с конституционной гарантией против произвольного задержания. Конституционный Суд признал заявление неприемлемым. Он повторил свою твердо установленную норму прецедентного права, что чрезмерное или произвольное задержание, неограниченное по времени и без соответствующего пересмотра, несовместимо со Статьей 22 Конституции и Статьей 14 § 3 Международного пакта о гражданских и политических правах во всех случаях, включая процедуры экстрадиции. Однако, по мнению Конституционного Суда отсутствие каких-либо конкретных правил, относящихся к вопросам задержания в Статье 466 § 1 не создало правовых лагун, несовместимых с Конституцией. Статья 8 § 1 Минской Конвенции 1993 г. предусматривает, что при исполнении запроса о правовой помощи запрашиваемая сторона должна применять свое внутреннее законодательство, то есть процедуры, установленные в российском Уголовно-процессуальном кодексе. Такие процедуры включают, в частности, статью 466 § 1 Кодекса и положения Главы 13 ("Меры пресечения"), которая, в силу их общего характера и положения в Части I Кодекса ("Общие положения"), применима ко всем этапам и формам уголовного судопроизводства, в том числе и к разбирательству по рассмотрению запросов об экстрадиции.

Конституционный суд подчеркнул, что гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, изложенные в Статье 22 и Главе 2 Конституции, полностью применимы в отношении задержания с целью экстрадиции. Соответственно, Статья 466 Уголовно-процессуального кодекса не позволяет властям применять меры содержания под стражей без соблюдения процедуры, установленной в Уголовно-процессуальном кодексе или сроки, закрепленные в это Кодексе.

В. Статус беженцев

1. Женевская Конвенция 1951 года о статусе беженцев

91. В статье 33 Конвенции ООН о Статусе беженцев 1951 года, которая была ратифицирована Россией 2 февраля 1993 года, говорится:

"1. Ни одно Договаривающееся государство не должно выселять или возвращать ("высылать") беженца каким-либо образом к границам территорий, где его жизни или свободе угрожает опасность вследствие его расы, вероисповедания, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. На право, предоставляемое данным положением, не может, однако, претендовать тот беженец, который в силу обоснованных причин рассматривается как угроза безопасности страны, в которой он находится, или который был осужден окончательным приговором в совершении особо тяжкого преступления, представляет опасность для общества этой страны".

2. Нормы права, регулирующие положение беженцев

92. В Закон о беженцах (Закон № 4258-I от 19 февраля 1993 года) включено определение термина "беженец", содержащееся в Статье 1 Женевской конвенции 1951 года, с поправками, внесенными Протоколом 1967 года, касающиеся статуса беженца. Закон определяет беженца как лицо, которое не является гражданином России, и которое, в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, этнического происхождения, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится за пределами страны своего гражданства и не

может или, вследствие таких опасений, не желает пользоваться защитой этой страны, или которое, не имея гражданства, и, находясь вне страны своего прежнего постоянного места жительства в результате подобных событий не может или, вследствие таких опасений, не желает вернуться в нее (раздел 1 § 1 (1)).

93. Закон не применяется к лицу, которое обоснованно считается совершившим преступление против мира, военное преступление, преступление против человечества или тяжкое неполитическое преступление вне страны убежища до своего приезда в эту страну в качестве лица, ходатайствующего о получении статуса беженца (раздел 2 § 1 (1, 2)).

94. Лицо, которое подало заявление о предоставлении статуса беженца или которому был предоставлен статус беженца, не может быть возвращено в Страну, где его жизнь или свобода будут подвергаться опасности по причине его расы, вероисповедания, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (раздел 10 § 1).

95. Если лицо удовлетворяет критериям, установленным в разделе 1 § 1 (1), или если оно не отвечает таким критериям, но не может быть выслано или депортировано из России по гуманитарным причинам, ему может быть предоставлено временное убежище (раздел 12 § 2). Лицо, которому было предоставлено временное убежище, не может быть возвращено против его воли в страну своего гражданства или в страну своего прежнего постоянного места жительства (раздел 12 § 4).

С. Соответствующие документы Организации Объединенных Наций и Совета Европы, касающиеся использования дипломатических гарантий

96. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16 ноября 2005 г. "Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания" (UN Doc.: A/C.3/60/L.25/Rev.1) говорится:

"Генеральная Ассамблея

...

8. *Настоятельно советует* Государствам не высылать, не возвращать ("высылать"), не экстрадировать или любым иным способом передавать лицо другому Государству, если существуют серьезные основания полагать, что лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, и признает, что дипломатические гарантии, там, где они используются, не освобождают Государства от их обязательств в рамках международных стандартов в области прав человека, гуманитарного и беженского права, в частности, принципа невысылки ... "

97. В своем промежуточном докладе, представленном в соответствии с резолюцией Ассамблеи 59/182 (UN Doc.: A/60/316, 30 Августа 2005), Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Манфред Новак, пришел к следующим выводам:

"51. Специальный докладчик считает, что дипломатические гарантии являются ненадежными и неэффективными в вопросах защиты от пыток и жестокого обращения: такие гарантии, как правило, требуются от государств, где применение пыток носит систематический характер; доказано, что механизмы мониторинга после возвращения не являются гарантией против пыток; дипломатические гарантии не имеют юридической силы, поэтому они не несут никаких юридических последствий или ответственности, если они нарушаются; а лицу, которого эти гарантии призваны защищать, некуда обратиться, если эти гарантии нарушаются. Поэтому Специальный докладчик считает, что Государства не могут прибегать к дипломатическим гарантиям в качестве защиты от пыток и жестокого обращения в тех случаях, когда существуют серьезные основания полагать, что лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам или жестокому обращению по возвращении".

52. Специальный докладчик призывает Правительства соблюдать принцип невысылки добросовестно и не высылать любого человека к границам или в те территории, где они могут

подвергнуться риску нарушения прав человека, независимо от того, имеют они официально признанный статус беженцев или нет".

98. Обращаясь в частности к ситуации о применении пыток в Узбекистане и повторным пыткам, применяемым после дипломатических гарантий со стороны узбекских властей, Специальный докладчик ООН по вопросам пыток Манфред Новак заявил следующее на Сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 г.:

"Применение пыток в Узбекистане носит систематический характер, как указывается в отчете о поездке в страну в 2002 году моего предшественника Тео ван Бовена. В подтверждение этих заключений, мой офис продолжает получать тревожные сообщения о применении пыток узбекскими сотрудниками правоохранительных органов ... Кроме того, в связи с событиями в мае 2005 года в Андижане, Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщил, что существуют твердые, последовательные и достоверные свидетельские показания в отношении того, что узбекские военнослужащие и личный состав служб безопасности совершают тяжкие нарушения прав человека в стране. Тот факт, что правительство отказалось от международного расследования андижанских событий, от независимого анализа, связанных с ним разбирательств, и то, что не существует международно признанного отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Перед лицом таких значительных, серьезных и убедительных доказательств систематических пыток, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я продолжу призывать Правительства воздержаться от передачи лиц в Узбекистан. Запрет на применение пыток является абсолютным, и Государства рискуют нарушить этот запрет - свои обязательства в рамках международного права, – передавая людей в те страны, в которых они могут подвергаться риску пыток. Я повторяю, что дипломатические заверения не являются юридически обязательными, низводят существующие обязательства государств по запрещению пыток, являются неэффективными и ненадежными в обеспечении защиты прав возвращенных людей, и поэтому не должны использоваться Государствами".

99. Комментарии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев о дипломатических заверениях и международной защите беженцев, опубликованные 10 августа 2006 года, гласят:

22. В целом, оценка пригодности дипломатических заверений является сравнительно исчерпывающей в том смысле, что они предназначены для гарантии того, чтобы те лица, кого это касается, не подвергались смертной казни, или чтобы определенные нарушения права на справедливое судебное разбирательство не происходили вследствие экстрадиции. В таких случаях разыскиваемый человек переводится на формальный процесс, и можно контролировать соблюдение предоставленных гарантий со стороны ходатайствующего Государства. Несмотря на отсутствие эффективных средств правовой защиты для запрашиваемого государства или возвращаемого лица, если гарантии не соблюдаются, то такое несоблюдение может быть легко выявлено и должно быть принято во внимание при оценке надежности таких гарантий в отношении будущих дел.

23. Ситуация отличается, если указанное лицо рискует быть подвергнутым пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в принимающем Государстве после перемещения. Было отмечено, что "в отличие от заверений о неприменении смертной казни или судебного разбирательства военным судом, которые легко поддаются проверке, гарантии против пыток и других злоупотреблений требуют постоянной бдительности со стороны компетентных и независимых сотрудников". Верховный суд Канады рассматривал данный вопрос в своем решении по делу *Суреш против Канады* (Министр по вопросам гражданства и иммиграции), сопоставляя заверения в тех делах, где присутствовал риск применения пыток с теми, где высланному лицу грозил смертный приговор, сообщая о

"... трудности, связанной с чрезмерным доверием государства о том, что оно будет воздерживаться от применения пыток в будущем, когда оно уже применяло незаконные пытки или позволяло другим делать это на своей территории в прошлом. Эта трудность становится особенно острой в тех случаях, когда пытки причиняются не только в сговоре, но также и в силу бессилия государства регулировать поведение своих должностных лиц. Таким образом, необходимо проводить различие между заверениями в отношении смертной казни и заверениями в отношении пыток. Первые легче контролировать и, в целом, являются заслуживающими большего доверия, чем последние".

24. В своем докладе перед Генеральной Ассамблеей ООН 1 сентября 2004 года, Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких,

бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания исследовал вопрос о дипломатических заверениях в свете обязательства *невывыски*, которое характеризуется абсолютным и неограниченным запрещением пыток и других форм жестокого обращения. Отметив, что при определении того, имеются ли веские основания полагать, что человеку будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, необходимо принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, Специальный докладчик далее высказал мнение о том, что:

«при обстоятельствах, когда существует закономерность грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, или систематического применения пыток, принцип *невывыски* должен строго соблюдаться, а дипломатические заверения не должны применяться».

100. Европейский Комитет по предотвращению пыток (КПП) в своем 15-ом Общем Докладе о деятельности от 22 сентября 2005 года, охватывающем период с 1 августа 2004 года по 31 июля 2005 года выразил озабоченность по поводу использования дипломатических заверений в свете абсолютного запрещения пыток:

"38. В предисловии была упомянута потенциальная напряженность в отношениях между обязанностью государства защищать своих граждан от террористических актов и необходимостью соблюдать основополагающие ценности. Это хорошо иллюстрируется существующим расхождением во мнениях относительно использования "дипломатических гарантий" в контексте процедуры депортации. Запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения включает в себя и обязательство не отправлять человека в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему или ей грозит реальная опасность подвергнуться таким методам. Для того чтобы избежать подобного риска в определенных случаях некоторые Государства избрали путь получения гарантий от страны назначения в том, что соответствующий человек не будет подвергаться жестокому обращению. Такая практика далеко не новая, но в последние годы попала в центр внимания, так как Государства все чаще стремятся отослать со своих территорий тех лиц, которые, как считается, угрожают национальной безопасности. Растут опасения того, что использование дипломатических гарантий является, по сути, средством обойти запрет на применение пыток и жестокого обращения.

39. Стремление к получению дипломатических заверений со стороны стран с плохими общими показателями по применению пыток и жестокого обращения вызывает особое беспокойство. Из этих данных необязательно следует, что тот человек, в отношении которого предполагается личная депортация, реально подвергается опасности жестокого обращения в соответствующей стране; необходимо учитывать конкретные обстоятельства при проведении такой оценки. Однако если на самом деле существует риск жестокого обращения, то могут ли дипломатические заверения, полученные от властей страны, где пытки и жестокое обращение постоянно широко практикуются, являться достаточной защитой против подобной опасности? С некоторой долей уверенности можно заранее предположить, что даже если эти власти на самом деле эффективно контролируют учреждения, в которых предположительно будет содержаться под арестом соответствующий человек (что не всегда происходит в реальности), нет никаких гарантий того, что данные заверения будут соблюдаться на практике. Если эти страны не соблюдают свои обязательства в рамках ратифицированных ими международных договоров по защите прав человека, то резонно задать вопрос о том, какие основания имеются для того, чтобы быть уверенным в том, что они будут соблюдать гарантии, предоставленные на двусторонней основе в каком-то конкретном случае?

40. В ответ на это был выдвинут аргумент, что можно разработать механизмы мониторинга обращения с депортированным лицом после его возвращения в случае его/ее задержания. Несмотря на то, что КПП сохраняет объективность по данному вопросу, он все еще не увидел убедительных предложений по эффективным и практичным механизмам такого рода. Для того, чтобы быть эффективным, такой механизм должен, безусловно, включать некоторые основные гарантии, в том числе право на посещение соответствующего лица независимыми и достаточно квалифицированными специалистами в любое время и без предварительного уведомления, а также право на беседу с ним при закрытых дверях в том месте, которое они выберут. Такой механизм также должен предлагать способы незамедлительного корректирующего воздействия, если выяснится, что предоставленные гарантии не соблюдаются".

ЗАКОНЫ

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЗАЯВЛЕНИЙ

101. Правительство утверждает, что заявителям были предъявлены обвинения в тяжких и особо тяжких преступлениях, включая терроризм и убийство при отягчающих обстоятельствах, совершенных в Узбекистане. Они намеревались избежать уголовного преследования за эти преступления, подав заявления в Суд. Они заявили, что до отъезда из Узбекистана они подвергались преследованиям и жестокому обращению со стороны узбекских властей, при этом, не предоставив каких-либо доказательств в поддержку своих утверждений. Правительство предложило Суду объявить заявления недопустимыми, как злоупотребление правом подавать заявления.

102. Суд рассмотрит просьбу Правительства об объявлении заявлений недопустимыми с точки зрения Статьи 35, которая предусматривает в соответствующих частях следующее:

"3. Суд должен объявить неприемлемым любое индивидуальное заявление..., которые он квалифицирует, как ... злоупотребление правом подавать заявления.

4. Суд должен отклонить любое заявление, которое он сочтет неприемлемым в соответствии с настоящей Статьей. Он может сделать это на любой стадии разбирательства".

103. Суд вновь заявляет, что вывод о злоупотреблении может быть сделан при таких обстоятельствах, когда выявлено, что заявление было явно не подкреплено доказательствами или выходит за пределы действия Конвенции, или если заявление основывается на ложных фактах в попытке преднамеренно ввести в заблуждение Суд (см. *Г.Дж. против Люксембурга*, № 1156/93, решение Комиссии от 22 октября 1996 года). Суд не находит никаких признаков злоупотреблений в данном заявлении. Заявители пожаловались на то, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их риску жестокого обращения, что их содержание под стражей в ожидании экстрадиции было незаконным, и что в формулировке ордера об экстрадиции была нарушена презумпция невиновности. Они предоставили большое количество документальных доказательств в поддержку своих утверждений. Правительство не оспорило достоверность предоставленного ими фактического материала, равно как и не заявило, что их утверждения были основаны на ложных фактах.

104. Таким образом, суд не считает, что заявление является злоупотреблением права подачи жалоб. Он отклоняет просьбу правительства объявить заявление неприемлемым на этом основании. Он далее отмечает, что заявление не является неприемлемым по любым другим признакам. Вследствие этого оно должно быть признано приемлемым.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

105. Заявители подали жалобу в соответствии со Статьей 3 Конвенции о том, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их угрозе пыток или смертной казни. Статья 3 Конвенции гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Доводы сторон

106. Заявители утверждали, что они приводили доводы российским властям о том, что в Узбекистане им грозит реальная опасность подвергнуться жестокому обращению и политическим преследованиям. Они предоставили доклады учреждений ООН и международных неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане, подтверждающие, что пытки широко распространены в местах заключения, и что лица, обвиняемые в связи с андижанскими событиями, подвергались повышенному риску жестокого обращения. Эта информация не получила надлежащей оценки со стороны российских властей. Они отклонили доводы заявителей без указания причин, за исключением ссылки на заверения, предоставленные узбекскими властями. Заявители утверждали, что узбекские власти предоставили аналогичные заверения во время процедуры экстрадиции четырех граждан Узбекистана из Кыргызстана, и что эти заверения оказались неэффективными (см. п. 78 выше).

Так как узбекские власти отказались предоставить доступ к экстрадированным лицам представителям международного сообщества, проследить за соблюдением гарантий не представлялось возможным. Учитывая административную практику жестокого обращения в Узбекистане, гарантии узбекских властей являются не заслуживающими доверия.

107. Далее заявители просили суд не ограничивать рассмотрение установлением факта неспособности Правительства правильно оценить риск жестокого обращения, прежде чем принимать решение о выдаче. Они утверждали, что они предоставили достаточно информации Суду для того, чтобы вынести постановление о том, что их экстрадиция в Узбекистан была несовместимой со Статьей 3 Конвенции. В качестве дополнительного доказательства повышенного риска жестокого обращения, они подготовили список своих родственников и партнеров по бизнесу, которые были приговорены к длительным срокам тюремного заключения в связи с андижанскими событиями. Они также утверждали, что узбекские власти знали об их просьбах о предоставлении убежища и их заявлениях в Суд, что еще больше увеличило риск пыток.

108. Ссылаясь на дело *Маматкулов и Аскарлов против Турции* ([GC], № 46827/99 и № 46951/99, ECHR 2005-I), Правительство приводило доводы, что оно имеет право контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Заявителям были предъявлены обвинения в тяжких и особо тяжких уголовных преступлениях, включая терроризм, в Узбекистане. Узбекские власти подали запрос об их выдаче. В соответствии с Минской Конвенцией, участниками которой являются как Россия, так и Узбекистан, правительство обязано было удовлетворить эту просьбу. Они далее сослались на решение Международного Суда по делу Локерби ("Вопросы толкования и применения Монреальской конвенции 1971 года в связи с инцидентом в воздухе в Локерби (Ливийская Арабская Джамахирия против Соединенных Штатов Америки и Ливийская Арабская Джамахирия против Соединенного Королевства), Предварительные возражения, Решение, Доклады Международного суда 1998 г., сс. 9 и 115)), подтверждающие право Государств преследовать в судебном порядке лиц, причастных к террористической деятельности, на Резолюцию Совета Безопасности ООН 1373 (2001), принятую 28 сентября 2001. В резолюции содержится призыв ко всем государствам предпринять соответствующие меры до предоставления статуса беженца, для того чтобы убедиться в том, что проситель убежища не планировал, не содействовал или не участвовал в совершении террористических актов; а также гарантировать, чтобы статусом беженца не злоупотребляли исполнители, организаторы или пособники террористических актов.

109. Кроме того, Правительство утверждало, что заявители не представили никаких документальных доказательств в поддержку своих утверждений о том, что они подвергались политическим преследованиям до своего отъезда из Узбекистана, или что они подвергнутся жестокому обращению, если их туда выдадут. В докладах учреждений ООН и международных НПО, предоставленных заявителями, описана общая ситуация в Узбекистане, без каких-либо ссылок на конкретную ситуацию заявителей. Тот факт, что родственники и партнеры по бизнесу заявителей были осуждены, не доказывает, что эти приговоры были несправедливыми, или что их права были нарушены. Это также не является доказательством того, что заявители пострадают от нарушения своих прав, в случае выдачи. Узбекские власти предоставили заверения в том, что они не намерены преследовать заявителей по политическим причинам, или по причине их расовой принадлежности, этнического происхождения, религиозных или политических убеждений. Правительство также получило заверения в том, что с заявителями не будут жестоко обращаться или подвергать смертной казни в Узбекистане. Они посчитали, что эти гарантии являются надежными в связи с улучшением ситуации в области прав человека в Узбекистане в последнее время. В частности, смертная казнь была отменена с 1 января 2008 г.; Верховный Суд Узбекистана издал распоряжение судам низшей инстанции не полагаться на признания, полученные под принуждением; а также была создана группа мониторинга для осуществления контроля в области ситуации по правам человека в местах заключения, в сотрудничестве с омбудсменом.

110. Правительство в конечном итоге заявило, что, несмотря на то, что заявителям был предоставлен мандатный статус беженца со стороны УВКБ ООН, это решение не является обязательным для российских властей. Российские власти скрупулезно рассмотрели заявления о предоставлении статуса беженца, и установили, что заявителям не угрожает опасность политических преследований в Узбекистане. Они не отвечают требованиям раздела 1 § 1 (1) Закона о беженцах и, следовательно, не могут претендовать на статус беженца.

111. Третья сторона, "Хьюман райтс уотч" и Центр **AIRE** (*Консультационный центр по правам человека в Европе*), заявил, что правительства и международные эксперты приходят к общему мнению о том, что дипломатические заверения являются неадекватной гарантией против пыток и других видов жестокого обращения. Они сослались на доклады Специального докладчика ООН по пыткам, Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Комитета ООН по правам человека и Европейского комитета по предотвращению пыток (см. пункты 96 до 100 выше), которые единодушно заявили, что дипломатические заверения являются ненадежными и неэффективными. Все правительства, предлагающие дипломатические заверения, в течение долгого времени в прошлом применяли пытки и продолжают это делать в настоящее время. Правительства с плохими данными о применении пыток постоянно отрицали, что такие пытки применяются, а также не инициировали расследования, когда поступали сообщения о применении пыток. Представляется маловероятным, что те правительства, которое постоянно нарушали международный запрет на пытки, сдержат свои обещания не применять пытки по отношению к какому-то конкретному человеку. Учитывая тот факт, что принимающие государства, уже были обязаны не применять пыток или жестокое обращение по отношению к заключенным, и что большинство из них ратифицировали юридически обязывающие договоры, пообещав воздерживаться от подобных злоупотреблений, дипломатические заверения, которые не являются юридически обязательными, не представляют какой-либо дополнительной защиты для депортированных лиц. Кроме того, в самих заверениях нет механизма, который позволил бы лицу, в отношении которого сделаны эти заверения, обеспечить их

соблюдение или привлечь к ответственности депортировавшее или принимающее правительство. У лица, подлежащего выдаче на основании заверений, нет никакой правовой защиты, в случае если эти заверения будут нарушены.

112. Третья сторона также сослалась на решение Комитета ООН по правам человека в деле *Алзери против Швеции* (CCPR/C/88/D/1416/2005, 10 ноября 2006 года). Комитет пришел к выводу, что передача заявителя в Египет явилась нарушением абсолютного запрета на пытки, несмотря на заверения о гуманном обращении, представленные Египетскими властями до передачи. Комитет ООН против пыток также установил, что предоставление дипломатических заверений, которые не предусматривают никакого механизма для обеспечения их выполнения, не являются достаточными для защиты от явной опасности жестокого обращения (Комитет ООН против пыток, Решение: *Агиза против Швеции*, CAT/C/34/D/233/2003, 20 мая 2005 г.). В обоих случаях с заявителями жестоко обращались после их выдачи в Египет, несмотря на заверения о гуманном обращении, представленных египетскими властями.

113. Третья сторона далее утверждала, что существует достаточно доказательств, чтобы продемонстрировать, что дипломатические заверения не могли защитить людей, находящихся под угрозой пыток, от такого обращения после возвращения, будь то путем выдачи или иным образом. "Хьюман райтс уотч" и другие неправительственные организации документально зарегистрировали ряд случаев, когда людей выдавали на основе дипломатических заверений, и впоследствии подвергали пыткам должностные лица принимающего государства. В частности, гражданин России, которого выслали из США в Россию, были незаконно задержан, жестоко избит и лишен необходимой медицинской помощи, несмотря на заверения российских властей о том, что с ним будут обращаться гуманно, в соответствии с Российским внутренним законодательством и международными обязательствами. Европейский суд по правам человека в деле *Шамаев и другие против Грузии и России* (№ 36378/02, ECHR 2005-III), напрямую испытал, что дипломатические заверения были неэффективными. В этом случае Грузия выдала пятерых заявителей в Россию, несмотря на предписание Суда о временных мерах, предписывающих воздержаться от выдачи. Российское правительство предложило дипломатические гарантии, включая гарантии гуманного обращения и беспрепятственный доступ кандидатов к соответствующей медицинской помощи, юридическим консультациям и в Европейский суд по правам человека. Однако когда суд впоследствии объявил заявление приемлемым и постановил направить миссию по выявлению обстоятельств для посещения заявителей, российские власти отказали в доступе к ним. Адвокаты заявителей также не смогли получить разрешение на их посещение. Это дело оказалось в общей сложности провалом дипломатических заверений в том плане, что те лица, кому они были предоставлены, не имели каких-либо реальных полномочий конструктивно реагировать в тех случаях, когда те, кто предоставил эти гарантии, предпочитали их игнорировать.

114. Что касается Узбекистана, третья сторона утверждала, что он был известен систематическим применением пыток. Вышестоящие власти смотрели на пытки сквозь пальцы, если не поощряли их, и они применялись безнаказанно. Лица, депортированные или экстрадированные в Узбекистан обычно содержались в заключении без права общения и переписки и их подвергали жестокому обращению. В частности, девять узбекских граждан, экстрадированных из Казахстана в ноябре 2005 года, были подвергнуты жестокому обращению со стороны узбекских властей. В июне и августе 2005 года девять узбекских граждан были выданы из Кыргызстана в Узбекистан, еще десять узбекских граждан были экстрадированы из Украины в феврале 2006 года. Эти люди содержались в заключении без права общения или переписки с тех самых пор, а их

местонахождение остается неизвестным. Ни одному независимому субъекту или организации не был предоставлен доступ к ним. После признания информации из многочисленных надежных источников об установившейся практике применения пыток в Узбекистане, правительства в Северной Америке, Европе и Центральной Азии признали, что экстрадиция в Узбекистан лиц, разыскиваемых узбекскими властями, будь то в связи с их предполагаемой связью с майскими событиями 2005 года в Андижане, или потому, что они считались независимыми мусульманами, является нарушением их международных обязательств. Ряд европейских правительств, в том числе Чехии, Германии, Норвегии, Румынии и Швеции, предоставили полный статус беженца или статус переселенцев по мандату УВКБ ООН узбекским гражданам, которые покинули стану в результате преследований со стороны узбекских властей в связи с андижанскими событиями, или в связи с их религиозной или политической принадлежностью.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

115. Суд вновь заявляет о соответствующих общих принципах, выходящих из его прецедентного права, что вкратце описано в деле *Маматкулова и Аскарлова* (протитированы выше):

"66. Договаривающиеся Государства имеют право, в соответствии с установленными нормами международного права и при условии соблюдения своих договорных обязательств, в том числе Конвенции, контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Право на политическое убежище не содержится ни в Конвенции ни в Протоколах к ней (см. *Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства*, судебное решение от 30 октября 1991 года, Серия А № 215, стр. 34, § 102).

67. В прецедентном праве Суда установлено, что экстрадиция Договаривающимся Государством может повлечь проблемы, предусмотренные в Статье 3, и, следовательно, влечет ответственность этого Государства в соответствии с Конвенцией в том случае, если имеются основания полагать, что соответствующее лицо, если оно будет выдано, столкнется с реальной опасностью подвергнуться в принимающей стране такому обращению, которое противоречит Статье 3. Установление такой ответственности неизбежно предполагает оценку обстановки в запрашивающей стране в свете норм Статьи 3 Конвенции. Тем не менее, нет сомнений в отношении рассмотрения или установления ответственности принимающей страны, будь то в соответствии с общим международным правом, или в соответствии с Конвенцией, или иным образом. Когда дело касается существования или возможности возникновения какой-либо ответственности в соответствии с Конвенцией, то ответственность несет Договаривающееся Государство, которое произвело экстрадицию, в силу того, что оно приняло меры, прямым следствием которых является подвергание человека запрещенному жестокому обращению (см. *Соринг против Соединенного Королевства*, решение от 7 июля 1989 года, Серия № 161, с. 35-36, §§ 89-91).

68. Вряд ли можно считать совместимым с "общим наследием политических традиций, идеалов, свобод и верховенства права", на которые ссылается Преамбула, когда Договаривающееся Государство сознательно выдает человека другому Государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (см. дело *Соринга*, приведенное выше, с.34-35, § 88).

69. При определении того, были ли представлены достаточные основания для того, чтобы полагать, что существует реальный риск обращения, противоречащего Статье 3, Суд будет оценивать вопрос в свете всех переданных ему материалов, или, в случае необходимости, материалов, полученных по собственной инициативе. Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств в рамках Статьи 3 в делах подобного рода заключается в риске подвергнуть человека жестокому обращению, то наличие риска должно оцениваться, в первую очередь, с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент экстрадиции; суду не возбраняется, однако, учитывать информацию, которая была выявлена после экстрадиции. Это может иметь значение в подтверждении или опровержении оценки со стороны Договаривающегося Государства в отношении обоснованности или необоснованности опасений заявителя (см. *Крус Варас и другие*

против Швеции, решение от 20 марта 1991 года, Серия № 201, с. 29-30, §§ 75-76, и *Вилвараджа и другие*, упомянутое выше, стр. 36, § 107).

Однако если заявитель не был выдан или депортирован на момент рассмотрения дела судом, соответствующим временем будет то время, в течение которого будет длиться судебное разбирательство (см. *Чахал против Соединенного Королевства*, решение от 15 ноября 1996 года, *Отчеты о судебных приговорах и решениях* 1996-V, с. 1856, §§ 85-86).

Такая ситуация обычно возникает когда депортация или экстрадиция затягивается в результате указания суда о применении временной меры в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда. Такое указание, скорее всего, означает, что суд еще не рассмотрел все соответствующие доказательства, которые ему требуются, для того, чтобы определить, существует ли реальная опасность такого обращения, которое запрещено Статьей 3 в стране назначения.

70. Кроме того, жестокое обращение должно достичь минимального уровня тяжести, если оно подпадает под действие Статьи 3. Оценка этого минимума, естественно, является относительной; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст обращения или наказания, способ и метод его применения, его длительность и его физическое или психическое воздействие (см. дело *Вилвараджа и другие*, упомянутое выше, стр. 36, § 107).

Обвинения в жестоком обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами (см. *с необходимыми изменениями, Клаас против Германии*, решение от 22 сентября 1993 года, Серия № 269, с. 17-18, § 30)".

2. Применение к данному делу

116. Суд отмечает, что большинство заявителей являются уроженцами города Андижана в Узбекистане. Они прибыли в Россию в разное время между 2000 годом и началом 2005 года. Они бежали от преследований за свои религиозные убеждения и успешную коммерческую деятельность. Некоторые из них ранее подверглись дурному обращению в руках узбекских властей, родственники или партнеры по бизнесу других были арестованы и обвинены в участии в незаконных экстремистских организациях. Двое заявителей прибыли в Россию в деловую поездку: один из города Коканда в Узбекистане, другой из Турции.

117. После волнений в Андижане в мае 2005 года заявители были арестованы в России по запросу узбекских властей, которые подозревали их в финансировании повстанцев. Несмотря на то, что заявители отрицали какое-либо участие в андижанских событиях и похоже, что проверка, осуществленная российскими властями, подтвердила их заявления (см. п. 32 выше), в отношении них была начата процедура экстрадиции. Заявители утверждали, что их экстрадиция в Узбекистан подвергнет их риску дурного обращения и смертной казни. Они также подали заявления о признании их беженцами, указывая на свои опасения пыток и преследования по политическим мотивам. Они обосновывали свои требования докладами, подготовленными органами ООН и международными неправительственными организациями, описывающими дурное обращение в Узбекистане с лицами, содержащимися под стражей. Российские власти отвергли их заявления о предоставлении статуса беженцев и приняли решение об их экстрадиции в Узбекистан.

118. В соответствии с вышеприведенной правоприменительной практикой, Суду предстоит установить, существует ли реальный риск дурного с ними обращения в случае экстрадиции заявителей в Узбекистан. Так как они еще не были экстрадированы в связи с назначением Судом обеспечительной меры по правилу 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом. Таким образом, хотя историческая позиция представляет интерес, так как она позволяет пролить свет на текущую ситуацию и её возможное развитие, решающими являются ныне существующие условия (см. постановление от 15 ноября 1996 года по делу *Чахал (Chahal) против Великобритании*, Сборник постановлений и решений 1996-V, п.86).

119. Что касается первого аргумента заявителей, согласно которому их экстрадиция подвергнет их риску смертной казни, так как они были обвинены в совершении преступлений, за которые она предусмотрена, Суд отмечает, что им были предъявлены обвинения в терроризме и убийстве при отягчающих обстоятельствах. В момент вынесения решений об экстрадиции заявителей, за эти преступления по Уголовному кодексу Узбекистана была предусмотрена смертная казнь. Вместе с тем, с 1 января 2008 года смертная казнь в Узбекистане отменена (см. п. 26 выше). Суд полагает, что таким образом риск применения смертной казни к заявителям был ликвидирован, соответственно, в этом отношении не возникает вопроса по статье 3.

120. Теперь Суд рассмотрит второй аргумент заявителей, согласно которому они подвергнутся дурному обращению в Узбекистане. Он учитывает информацию Правительства об улучшении ситуации с правами человека в Узбекистане в последнее время (см. п. 109 выше), которое, по мнению Правительства, сводит на нет риск дурного обращения. Вместе с тем, следует отметить, что по делам, в которых заявитель – либо третья сторона в смысле статьи 36 Конвенции – указывает на разумные основания, позволяющие сомневаться в точности информации, на которую ссылается Правительство-ответчик, Суд должен убедиться в том, что оценка, проведенная властями Договаривающегося Государства, является адекватной и в достаточной степени подтверждается внутригосударственными материалами, равно как и материалами, исходящими из других надежных и объективных источников, таких как, например, другие Договаривающиеся и иные Государства, учреждения Организации Объединенных Наций и уважаемые неправительственные организации. Выполняя свою надзорную функцию в соответствии со статьёй 19 Конвенции, Суд следовал бы слишком узкому подходу по делам, затрагивающим статью 3 в отношении иностранцев, подлежащих выдворению либо экстрадиции, если бы как международный суд по защите прав человека учитывал бы только материалы, представленные внутригосударственными властями соответствующего Договаривающегося Государства, не сравнивая их с материалами из других заслуживающих доверия и объективных источников (см. дело *Салах Шиих против Нидерландов*, № 1948/04, П. 136, ЕСПЧ 2007 (извлечения), постановление Большой палаты от 28 февраля 2008 года по делу «Саади (*Saadi*) против Италии», №37201/06, п.131).

121. Доказательства из ряда объективных источников показывают, что проблемы в отношении дурного обращения с лицами, содержащимися под стражей, по-прежнему существуют в Узбекистане. В частности, в 2002 году Специальный докладчик ООН по пыткам описал практику пыток, применяемую в отношении лиц, содержащихся под стражей в полиции, как «систематическую» и «всеобъемлющую». Его преемник на этом посту провозгласил в 2006 году, что его офис продолжает получать серьёзные обвинения в пытках, осуществляющихся сотрудниками узбекских правоохранительных органов (см. п. 74 и 98 выше). В конце 2006 года Генеральный секретарь ООН также привлек внимание к продолжающимся проблемам широко распространенного недозволенного обращения с заключенными и пожаловался, что принимаются неадекватные меры для того, чтобы привлечь к ответственности виновных в этом (см. п. 78 выше). Более того, не было представлено никаких конкретных доказательств фундаментального улучшения защиты от пыток в Узбекистане в последние годы. Хотя узбекское правительство и приняло ряд мер, направленных на борьбу с практикой пыток (см. доводы Государства в п. 109 выше), не имеется доказательств того, что эти меры дали какие-либо положительные результаты. Таким образом, Суд убежден в том, что дурное обращение с лицами, содержащимися под стражей, является распространенной и устойчивой проблемой в Узбекистане.

122. Эти выводы описывают общую проблему в Узбекистане. Что касается личных ситуаций заявителей, Суд отмечает, что им предъявлены обвинения в связи с андижанскими событиями. «Международная Амнистия» считает, что такие люди находятся под увеличенным риском дурного обращения (см. п. 76 и 77 выше). Верховный комиссар ООН по правам человека и Специальный докладчик ООН по пыткам призвали правительства воздержаться от передачи лиц, обвиненных в участии в андижанском волнении, Узбекистану, где они подвергнутся риску пыток (см. п. 75 и 98 выше).

123. Третья сторона выдвигает предположение, подтвержденное докладами Генерального секретаря ООН и «Международной амнистии», что большинство из людей, насильно возвращенных в Узбекистан после событий мая 2005 года в Андижане, содержатся под стражей без связи с внешним миром (см. п. 78, 79 и 114). Учитывая, что в отношении заявителей выданы ордера на арест, скорее всего они будут взяты под стражу после их экстрадиции, и к ним не будут допущены родственники либо независимые наблюдатели, что увеличит риск дурного обращения.

124. Суд также отмечает, что после своего ареста в России заявители получили угрозы от узбекских должностных лиц, что они подвергнутся пыткам после их экстрадиции в Узбекистан, с целью получения признаний (см. п. 27 выше).

125. Помимо этого, Суд полагает значимым, что Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев предоставило заявителям статус мандатных беженцев, определив, что каждый из них имеет обоснованное опасение подвергнуться преследованию либо дурному обращению в случае перемещения в Узбекистан. Российский суд также постановил, что, с учётом хорошо задокументированных доказательств широкого распространения пыток в Узбекистане, экстрадиция заявителей подвергнет их риску пыток (см. п. 65 выше). В этих условиях Суд убежден, что заявители, в случае их возвращения в Узбекистан, подвергнутся реальному риску дурного обращения.

126. Суд не считает убедительным аргумент Правительства, согласно которому у него имеется международно-правовое обязательство сотрудничать в борьбе с терроризмом и оно обязано экстрадировать заявителей, которым предъявлены обвинения в террористической деятельности, независимо от угрозы дурного обращения в запрашивающей стране. Суду не требуется изучать неподтвержденные утверждения Правительства о террористической деятельности заявителей, так как они не имеют значения для его анализа по статье 3. Суду хорошо известны очень большие трудности, с которыми сталкиваются государства в современный период, защищая своё население от террористического насилия. Вместе с тем, даже в этих обстоятельствах, Конвенция в абсолютных формулировках запрещает пытки либо негуманное и унижающее достоинство обращение или наказание, вне зависимости от поведения потерпевшего. Предусмотренный статьёй 3 запрет дурного обращения равно абсолютен в делах о выдворении и экстрадиции. Так, как только были показаны достаточные основания полагать, что человек может подвергнуться реальному риску обращения, нарушающего статью 3, в случае перемещения в другое государство, в случае выдворения или экстрадиции оказывается задействована ответственность Договаривающегося Государства по защите его либо её от такого обращения. В этих обстоятельствах деятельность этого физического лица, какой бы нежелательной или опасной она ни была, не может рассматриваться в качестве имеющего значение соображения (см., соответствующее постановление, дело *Чахал*, п. 79 и 81, а также *Саади*, п. 138 – 141.).

127. В завершение, Суд рассмотрит аргумент Правительства о том, что заверения узбекских властей в гуманном обращении обеспечивают заявителям адекватную гарантию безопасности. В своём постановлении по делу *Чахала* Суд

указал на опасность использования дипломатических гарантий против пыток, данных государством, которому свойственны пытки либо в котором пытки постоянно применяются (см. дело *Чахал*, п. 105). В недавнем деле *Саади против Италии* Суд также установил, что дипломатические гарантии сами по себе не обеспечивают достаточную защиту от риска дурного обращения, когда надежные источники сообщают о методах, явно противоречащих принципам Конвенции, используемых властями либо на которые власти смотрят сквозь пальцы (см. дело *Саади*, п. 147 и 148). Учитывая, что практика пыток в Узбекистане названа известными международными экспертами систематической (см. п. 121 выше), Суд не убежден, что гарантии узбекских властей представляют собой надежную гарантию от риска дурного обращения.

128. Соответственно, насильственное возвращение заявителей в Узбекистан может означать нарушение статьи 3, так как там они подвергнутся серьезному риску пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

A. Соблюдение Статьи 5 § 1

129. Заявители подали жалобу в соответствии со Статьей 5 § 1 (f) Конвенции о том, что их незаконно держали в заключении. В частности, они заявили, что внутренние положения, устанавливающие максимальный срок содержания под стражей не соблюдались. Соответствующие части Статьи 5 § 1 гласят:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу ... лица, в отношении которого принимаются меры с целью ... экстрадиции".

1. Доводы сторон

130. Заявители утверждают, что в Статье 109 Уголовно-процессуального кодекса установлен первоначальный предельный срок содержания под стражей в размере двух месяцев. Поскольку после истечения двухмесячного срока не последовал приказ о продлении содержания под стражей, последующее задержание заявителя было незаконным. В этом отношении заявители сослались на заявления Правительства, в которых было подтверждено, что содержание под стражей в ожидании экстрадиции должно быть продлено в соответствии с порядком, установленным законодательством Российской Федерации для продления содержания под стражей во время следствия, и что эта процедура не была соблюдена в отношении заявителей (см. пункт 133 ниже).

131. Заявители также отметили, что российские суды отрицали применимость Статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса в отношении содержания под стражей в ожидании экстрадиции и вынесли постановление о том, что российское законодательство не устанавливает каких-либо ограничений сроков для такого задержания или по любой процедуре для его продления. Заявители утверждали, что отсутствие такой процедуры перевело их задержание в разряд произвольных и незаконных.

132. Заявители, наконец, утверждали, что их задержание было неоправданно длительным, поскольку российские власти затягивали рассмотрение их заявлений о предоставлении статуса беженца.

133. Правительство утверждало, что заявители были задержаны в ожидании экстрадиции в Узбекистан во исполнение судебного постановления, вынесенного в соответствии со Статьей 466 Уголовно-процессуального кодекса. Их задержание, таким образом, было законным. Кроме того, правительство отметило, что 4 апреля 2006 г. Конституционный суд вынес решение, в котором он заявил, что общие положения Главы 13 Уголовно-процессуального кодекса будут применяться ко всем формам и стадиям уголовного судопроизводства, в том числе к процедурам выдачи (см. пункт 85 выше). Верховный суд отметил в этой связи, что не только первоначальное помещение в места заключения, но также и продление содержания под стражей должно исполняться по распоряжению суда по ходатайству прокурора. Однако по делу заявителей прокурор не подавал ходатайств о продлении срока ареста.

134. Правительство настаивало на том, что Статья 109 Уголовно-процессуального кодекса, в которой установлены сроки содержания под стражей в рамках уголовного расследования, не применяется к лицам, содержащимся под стражей с целью экстрадиции. Не имеется других правовых положений, определяющих сроки содержания под стражей в ожидании экстрадиции. Заявители сами способствовали продлению своего содержания под стражей, подав заявления о предоставлении статуса беженца, и впоследствии оспаривая отказы в российских судах. В течение всего этого срока заявители пользовались статусом беженцев, и их экстрадиция была запрещена законодательством Российской Федерации.

2. Оценка Суда

135. Стороны согласны с тем, что заявители находились под стражей в связи с их экстрадицией из России в Узбекистан. Таким образом, по настоящему делу применимым является подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции. Это положение не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции, было бы разумно необходимым, например, для предотвращения совершения им правонарушения либо его бегства от правосудия. В этой связи подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции предоставляет другой уровень защиты, чем подп. «c» п.1 статьи 5 Конвенции: всё, что требуется по подпункту «f», это чтобы «принимались меры с целью депортации или экстрадиции». Таким образом, для целей подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции неважно, является ли само решение о выдворении обоснованным по национальному праву либо Конвенции (см. дело *Чонка против Бельгии*, № 51564/99, п. 38, ЕСПЧ 2002-1, а также дело *Чахал против Великобритании*, решение от 15 ноября 1996 года, *Сборник судебных решений и постановлений 1996 – V*, п. 112).

136. Вместе с тем, Суд подчеркивает, что он уполномочен проверить, было ли содержание заявителей под стражей «законным» для целей подп. «f» п.1 статьи 5 Конвенции, с особой ссылкой на предусмотренные национальной системой гарантии. Когда изучается вопрос «законности» содержания под стражей, включая вопрос о том, была ли соблюдена «установленная законом процедура», Конвенция прежде всего ссылается на национальное право и устанавливает обязательство выполнять материальные и процессуальные положения национального права, кроме того, она требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, которой является защита физического лица от произвола (см. дело *Амуур против Франции*, решение от 25 июня 1996 года, *Сборник 1996-III*, п. 50).

137. Таким образом, Суд должен удостовериться, соответствует ли само национальное право Конвенции, включая общие принципы, прямо или косвенно выраженные в ней. По этому последнему вопросу Суд подчеркивает, что, когда рассматривается лишение свободы, особенно важно, чтобы выполнялся общий принцип правовой определенности. Предусматривая, что любое лишение свободы

должно быть осуществлено «в соответствии с предусмотренной законом процедурой», п.1 статьи 5 не просто ссылается на национальное право; равно как и положения «в соответствии с законом» и «предписанный законом» во вторых параграфах статей 8-11, он также связан с «качеством закона», требуя, чтобы такое лишение свободы соответствовало принципу верховенства права – концепции, незримо присутствующей во всех статьях Конвенции. «Качество закона» в этом смысле означает, что национальное право, являющееся основанием лишения свободы, должно быть достаточно доступным, чётким и предсказуемым в своём применении, чтобы предотвратить любой риск произвола (см. постановление по делу *Худоёров против России*, №6847/02, п. 125, ЕСПЧ 2005 – (извлечения), *Ечиус против Литвы*, № 34578/97, п. 56, ЕСПЧ 2000 – IX, *Барановски против Польши*, № 28358/95, п. 50-52, ЕСПЧ 2000 – III, а также *Амуур*, указанное выше).

138. Суд уже установил, что положения российского права, регулирующие содержание лиц под стражей с целью их экстрадиции, не являются ни чёткими, ни предсказуемыми в своём применении и не соответствуют требуемому по Конвенции стандарту «качества закона». Он с озабоченностью отметил, что противоречивые и взаимно исключаящие друг друга мнения национальных властей по вопросу положений, применимых к лицам, содержащимся под стражей до решения вопроса об экстрадиции, в частности, по вопросу о применимости к содержанию под стражей по данному основанию Статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса (см. п. 85 выше), устанавливающей процедуру и особые сроки содержания под стражей (см. постановление от 11 октября 2007 года по делу *Насруллоев против России*, №656/06, пп.72 и посл., от 11 октября 2007 года).

139. Аналогично проявила себя противоречивость национального права и в настоящем деле. Так, Верховный Суд выразил мнение, что первоначальное судебное решение о содержании заявителей под стражей не являлось достаточным правовым основанием для всего периода их содержания под стражей. Содержание под стражей должно было продлеваться судом по ходатайству прокурора, то есть по процедуре и в сроки, установленные в Статье 109. Он признал, что требуемая процедура не была соблюдена в деле заявителей (см. п. 133 выше). Когда заявители потребовали освобождения, мотивируя это тем, что санкционированный период их содержания под стражей истек и что не было назначено его продление в порядке, предусмотренном Статьёй 109, национальные суды решили, что статья 109 неприменима в их ситуации и что национальное право не содержит никаких ограничений по времени применительно к содержанию под стражей до решения вопроса об экстрадиции и никакой процедуры для его продления (см. п. 44 и 45 выше). Несмотря на это, 2 и 5 марта 2007 года те же суды постановили, что заявители должны быть освобождены, со ссылкой на Статью 109, на том основании, что уже истек максимальный срок содержания под стражей (см. п. 49 выше).

140. В настоящем деле Суд приходит к тому же заключению, что и по делу *Насруллоева (loc. cit.)*, о том, что положения российского права, регулирующие содержание под стражей до решения вопроса об экстрадиции не являются ни чёткими, ни предсказуемыми в их применении и не соответствуют требованию «качества закона». Он полагает, что в отсутствие ясных правовых положений, устанавливающих процедуру назначения и продления содержания под стражей до решения вопроса об экстрадиции и определяющих сроки такого содержания под стражей, лишение свободы, которому подверглись заявители, не было обусловлено адекватными гарантиями от произвольности. Национальная система не смогла защитить заявителей от произвольного содержания под стражей, которое не может рассматриваться в качестве «законного» для целей статьи 5 Конвенции. В этих обстоятельствах от Суда не требуется отдельно рассмотреть, было ли рассмотрение вопроса об экстрадиции осуществлено с должной старательностью.

141. Таким образом, имело место нарушение п.1 статьи 5 Конвенции.

В. Соблюдение Статьи 5 § 4

142. Заявители подали жалобу в соответствии со Статьями 5 § 4 и 13 Конвенции о том, что они не смогли добиться эффективного судебного рассмотрения своего держание. Учитывая, что Статья 5 § 4 является *специальным законом* по отношению к более общим требованиям Статьи 13 (см. *Димитров против Болгарии* (декабрь), № 55861/00, 9 мая 2006 г.), суд рассмотрит жалобы в соответствии со Статьей 5 § 4, которая гласит:

"Каждый, кто лишен свободы вследствие ареста или заключения под стражу, имеет право предпринять процедуры, с помощью которых судом должно быть принято решение о правомерности его содержания под стражей в скорейшие сроки, и в случае незаконного задержания суд должен распорядиться освободить его".

1. Заявления сторон

143. Заявители утверждали, что их попытки добиться судебного рассмотрения задержания не увенчались успехом. Директор изолятора обязан был освободить заявителей после истечения утвержденного срока содержания под стражей. Однако он отказался это сделать. Адвокат заявителей подал несколько заявлений по рассмотрению отказа в судебном порядке. Заявления были отклонены, поскольку они не могли быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства. Заявителям было рекомендовано подать заявление об освобождении в рамках гражданского судопроизводства. Они последовали этому совету, но гражданские суды также отказались рассмотреть их заявления. Поэтому заявители не смогли добиться судебного рассмотрения своего содержания под стражей ни в уголовном, ни в гражданском судопроизводстве.

144. Правительство заявило, что заявители опротестовали ордер на арест. Они также подали заявления об освобождении согласно Статье 109 Уголовно-процессуального кодекса. Их заявления были рассмотрены судами двух уровней юрисдикции. Вследствие этого они смогли добиться пересмотра своего содержания под стражей.

2. Оценка Суда

145. Суд подчеркивает, что целью п.4 статьи 5 Конвенции является обеспечение лицам, которые арестованы или заключены под стражу, права на судебный надзор законности меры, которой они подверглись (см. соответственно постановление от 18 июня 1971 года по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*, Серии А №12, п.76). Средство правовой защиты должно быть доступно во время содержания лица под стражей, чтобы позволить этому лицу получить безотлагательный судебный контроль законности содержания под стражей, способный привести, в случае необходимости, к его(её) освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого п.4 статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно определенным, не только в теории, но и на практике, иначе у него будут отсутствовать характеристики доступности и эффективности, требуемые для целей данного положения (см. соответственно постановление от 24 марта 2005 года по делу *Стоичков против Болгарии*, №9808/02, п.66, и дело *Вачев против Болгарии*, № 42987/98, п. 71, ЕСПЧ 2004 – VIII (извлечения)). Доступность средства правовой защиты предполагает, в частности, что властями должны быть созданы обстоятельства, дающие заявителям реальную возможность использования

средства правовой защиты (см. соответственно постановление по делу *Чонка*, п. 46 и 55, указанных выше).

146. Аргумент Правительства, согласно которому заявители получили судебный контроль их содержания под стражей, обжаловав первоначальное постановление об их взятии под стражу, не убедил Суд. Основной смысл жалобы заявителей по п.4 статьи 5 направлен не против первоначального постановления об их взятии под стражу, а против их неспособности добиться судебного контроля их содержания под стражей по прошествии определенного периода времени. Учитывая, что заявители провели более двенадцати месяцев под стражей, в течение этого периода должны были возникнуть новые вопросы, влияющие на законность содержания под стражей. В частности, заявители намеревались заявить судам, что их содержание под стражей перестало быть законным после истечение предельного срока, предусмотренного статьёй 109 Уголовно-процессуального кодекса. На основании п.4 статьи 5 Конвенции они были вправе обратиться в «суд», обладающий юрисдикцией на «безотлагательное» решение вопроса о том, является ли лишение их свободы «незаконным» в свете новых факторов, возникших после постановления об их первоначальном взятии под стражу, или нет (см. соответственно постановление от 2 марта 1987 года по делу *Уикс против Великобритании*, Серии А №114, пп.55-59).

147. Суд с озабоченностью отмечает противоречивые решения национальных судов по вопросу о том, каким способом судебного контроля предписано следовать лицам, содержащимся под стражей до решения вопроса об экстрадиции. Так, 24 августа 2004 года Ивановский областной суд постановил, что ходатайства заявителей об освобождении из-под стражи не подлежат рассмотрению в рамках уголовного судопроизводства, указав, что они должны быть рассмотрены в рамках гражданского судопроизводства. Вместе с тем, 12 и 19 марта 2007 года тот же суд оставил в силе в кассационном порядке диаметрально противоположенное решение от 22 января 2007 года, указывающее на то, что ходатайства об освобождении должны быть рассмотрены в уголовно-процессуальном, а не в гражданско-процессуальном порядке (см. п. 43 и 47 выше). Суд делает вывод о том, что заявители попали в порочный круг перекалывания обязанностей, когда ни один национальный суд – ни уголовный, ни гражданский – не был в состоянии проконтролировать предполагаемую незаконность их содержания под стражей.

148. Теперь Суд детально рассмотрит вопрос о том, могли ли заявители добиться судебного контроля законности их содержания под стражей в гражданском либо уголовном процессе.

149. Что касается возможности возбуждения гражданского дела, Суд отмечает, что заявители пробовали подвергнуть своё содержание под стражей судебному контролю в соответствии с п.1 статьи 254 и статьёй 255 Гражданского процессуального кодекса (см. п. 89 выше). Вместе с тем, их заявления были отклонены национальными судами, установившими, что содержание заявителей под стражей должно рассматриваться в рамках уголовного, а не гражданского процесса (см. п. 39 и 47 выше).

150. Что касается возможности добиваться судебного контроля содержания под стражей в уголовно-процессуальных рамках, Суд отмечает, что статья 125 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает принципиальную возможность судебного рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав и свобод, включая конституционное право на свободу. Это положение предоставляет право подать такую жалобу «участникам уголовного судопроизводства». Российские власти последовательно отказывались признать заявителей участниками уголовного судопроизводства, так как против них в России не возбуждалось уголовное дело (см. п. 42, 44 и 46 выше). Очевидно, что это положение свело на нет

их возможность обжаловать в судебном порядке законность их содержания под стражей.

151. В завершение Суд рассмотрит аргумент Правительства, согласно которому у заявителей имелась возможность обжаловать своё содержание под стражей по Статье 109 Уголовно-процессуального кодекса. Им уже установлено, что Статья 109 не даёт лицу, содержащемуся под стражей, право инициировать рассмотрения вопроса о законности его содержания под стражей (см. приведённое выше постановление по делу *Насруллоева*, п.88). Суд отмечает, что Статья 109 устанавливает особые сроки, в пределах которых прокурор должен обратиться в суд за продлением меры пресечения. Рассматривая ходатайство о продлении, суд должен решить, является ли продолжение применения меры пресечения в виде содержания под стражей законным и обоснованным, а если оно таковым не является – освободить лицо из-под стражи. Следует признать, что лицо, содержащееся под стражей, имеет право участвовать в данном типе судебного производства, давать объяснения суду, просить о своём освобождении. Вместе с тем, ничто в Статьях 108-109 не говорит о возможности инициирования такого процесса лицом, содержащимся под стражей, так как он может быть начат только по ходатайству прокурора о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей. В деле заявителей прокурор не подал ходатайства о продлении содержания под стражей. В этих обстоятельствах Суд не считает, что Статья 109 обеспечила право заявителей на инициирование производства, в рамках которого судом мог быть проверен вопрос законности их содержания под стражей.

152. Суд делает вывод о том, что все попытки заявителей добиться рассмотрения их ходатайств об освобождении из-под стражи в рамках уголовного либо гражданского судопроизводства провалились. Из этого следует, что в течение срока содержания заявителей под стражей у них не имелось возможности получить судебный контроль его законности.

Таким образом, имело место нарушение п.4 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ

153. Заявители подали жалобу в соответствии со Статьей 6 § 1 Конвенции о том, что по возвращении в Узбекистан они столкнутся с несправедливым судебным разбирательством. Соответствующие части Статьи 6 § 1 гласят:

"Каждый человек имеет право на справедливое...слушание ... в суде... в случае постановления в его отношении... любого обвинения в совершении уголовного преступления..."

154. Заявители не подали заявления в соответствии со Статьей 6 § 1.

155. Правительство заявило, что узбекские власти гарантировали, что заявители не будут подвергаться судебному преследованию или наказанию за любые правонарушения, совершенные до запроса об экстрадиции, которые не были упомянуты в запросе об экстрадиции, и что с ними не будут жестоко обращаться для того, чтобы получить от них признательные показания или приговорить к смерти. Правительство также получило заверения в том, что права заявителей на защиту будут соблюдаться и что им будут предоставлены адвокаты.

156. Суд вновь заявляет, что в соответствии со Статьей 6 в исключительных случаях можно устанавливать спорный вопрос, подлежащий разрешению о выдаче в тех случаях, когда беженец пострадал или рискует пострадать от грубого отказа в справедливом судебном разбирательстве в запрашивающей стране (см. *Соринг против Соединенного Королевства*, решение от 7 июля 1989 года, Серия № 161, § 113). Однако, учитывая вывод Суда о том, что экстрадиция заявителей в Узбекистан повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции (см. пункт 128

выше), нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о возможном нарушении Статьи 6 § 1 Конвенции (сравните дело *Саади*, приведенное выше, § 160).

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 2 КОНВЕНЦИИ

157. В соответствии со Статьей 6 § 2 Конвенции заявители подали жалобу о том, что формулировка решения об экстрадиции нарушает их право на презумпцию невиновности. Статья 6 § 2 гласит:

"Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления должен считаться невиновным, пока не будет доказана его вина в соответствии с законом".

A. Доводы сторон

158. Заявители утверждали, что в своих решениях об экстрадиции заявителей, Первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации недвусмысленно заявил, что заявители "совершили" определенные уголовные преступления. Решение об экстрадиции было направлено в Генеральную прокуратуру Узбекистана и было включено в уголовные дела заявителей. Заявления прокурора могли повлиять на узбекские суды и послужить в качестве доказательства вины заявителей. Таким образом, их право на презумпцию невиновности было нарушено.

159. Правительство заявило, что Статья 463 § 6 Уголовного кодекса запрещает судам оценивать факт виновности или невиновности заявителей (см. п. 88 выше). Суды рассмотрели только правомерность выдачи заявлений не рассматривая факт виновности заявителей во вменяемых преступлениях.

B. Оценка Суда

160. Суд подчеркивает, что п.2 статьи 6 в его соответствующем аспекте направлен на предотвращение подрыва справедливости уголовного судопроизводства предопределяющими вину заявлениями, сделанными в тесной связи с этим производством. Когда такого производства нет или не было в наличии, заявления об уголовно наказуемом либо ином достойном порицания поведении имеют значение прежде всего для целей защиты от диффамации и адекватного доступа к правосудию и потенциально могут затрагивать вопросы по статьям 8 и 6 Конвенции (см. решение от 20 ноября 2003 года о приемлемости жалобы *Золлманн (Zollmann) против Великобритании*, №62902/00).

161. Закрепленная в п.2 статьи 6 Конвенции презумпция невиновности является одним из элементов справедливости уголовного судопроизводства, требуемого её п.1 (см. постановление от 10 февраля 1995 года по делу *Аллене де Рибемон (Allet de Ribemont) против Франции*, Серии А №308, п.35). Она запрещает преждевременное выражение судом своего мнения о том, является ли лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», виновным, до того, как это будет доказано в соответствии с законом (см. постановление от 25 марта 1983 года по делу *Минелли (Minelli) против Швейцарии*, Серии А №62, где суд ассизов, рассматривающий уголовное дело, решил, что продолжение уголовного преследование невозможно в связи с истечением сроков, но, тем не менее, решил, что если бы оно было продолжено, то заявитель скорее всего был бы признан виновным для целей распределения судебных расходов). Она также распространяется на заявления, сделанные другими должностными лицами, относительно уголовных дел, рассмотрение которых продолжается, которые

заставляют публику поверить в виновность подозреваемого и подрывают оценку фактов компетентным судебным органом (см. *Аллене де Рибемон*, п.41, где в заявлениях министра и начальника полиции прессе арестованный в тот же день заявитель назывался пособником убийства, без каких-либо оговорок; , см. также дело *Дактарас против Литвы*, № 42095/98, п. 41-43, ЕСПЧ 2000 – X, и *Буткевичус против Литвы*, № 48297/99, п. 49, ЕСПЧ 2002 – II (извлечения)).

162. Суд прежде всего рассмотрит, могли ли заявители в обстоятельствах данного дела признаваться «обвиняемыми в совершении уголовного преступления» для целей п.2 статьи 6, когда были приняты обжалуемые решения об экстрадиции. Он отмечает, что в России заявителям не было предъявлено никаких уголовных обвинений. Производство об их экстрадиции не затрагивало определения уголовного обвинения в смысле статьи 6 Конвенции (см. дело *Мааоиа против Франции* [БС], № 39652/98, п. 40, ЕСПЧ 2000 - X). Соответственно, когда были приняты решения об экстрадиции, в отношении заявителей в России не осуществлялось уголовное преследование, на исход которого могли бы оказать влияние утверждения прокурора.

163. В деле *Золлманна* (приведено выше) Суд не ограничился тем, что установил, что против заявителя не осуществляется уголовное судопроизводство в Великобритании, он продолжил рассмотрение вопроса о том, связаны ли заявления государственного должностного лица с какими-либо уголовными расследованиями, начатыми против заявителя за границей. В настоящем деле Суд также должен убедиться, имелась ли какая-нибудь тесная связь – в законодательстве, практике либо фактах – между обжалуемыми заявлениями, сделанными в контексте решения вопроса об экстрадиции, и уголовным судопроизводством, продолжающимся против заявителей в Узбекистане, которая является достаточной для признания заявителей «обвиняемыми в совершении уголовного преступления» в значении п.2 статьи 6 Конвенции (сравн. дело *Золлмана*, приведенное выше).

164. Суд отмечает, что экстрадиция заявителей была назначена для цели их уголовного преследования. Таким образом, решение вопроса об экстрадиции является прямым следствием и сопутствующим обстоятельством уголовного расследования, осуществляемого против заявителей в Узбекистане. Таким образом, Суд считает, что имеется тесная связь между уголовным судопроизводством в Узбекистане и производством по вопросу об экстрадиции, обосновывающая применимость к последнему п.2 статьи 6 Конвенции. Более того, текст решений об экстрадиции ясно показывает, что прокурор воспринимал заявителей «обвиняемыми в совершении уголовных преступлений», что само по себе достаточно для возможной применимости п.2 статьи 6 Конвенции. Суд также отмечает, что по делу *П. и Р.Х. и Л.Л. (P. and R.H. and L.L.) против Австрии* (№15776/89, решение Комиссии от 5 декабря 1989 года, Сборник решений и докладов, №64, стр.269), Комиссия¹ признала заявителей, ожидающих экстрадиции из Австрии в США «обвиняемыми в совершении уголовного преступления» в значении п.2 статьи 6 Конвенции. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что п.2 статьи 6 применим в настоящем деле.

165. Теперь Суд рассмотрит вопрос о том, является ли мотивировка, содержащаяся в решениях первого заместителя Генерального прокурора, по существу определением вины заявителей в нарушение п.2 статьи 6 Конвенции.

166. Суд подчеркивает, что презумпция невиновности будет нарушена, если судебный акт или заявление должностного лица относительно лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение, что оно является виновным, до того, как оно будет признан виновным в соответствии с законом.

¹ Имеется в виду ранее существовавшая Европейская комиссия по правам человека (прим.переводчика).

Даже в отсутствие какого-либо формального определения, достаточно наличие какой-либо мотивировки, указывающей на то, что суд либо должностное лицо считают обвиняемого виновным. Должно быть проведено фундаментальное различие между заявлением о том, что кто-то лишь подозревается в совершении преступления, и прямым заявлением, в отсутствие окончательного осуждения, что лицом совершено соответствующее преступление. Суд подчеркивает важность того, чтобы должностные лица выбирали слова до того, как лицо будет предано суду и осуждено за совершение определенного уголовного преступления (постановление от 3 октября 2002 года по делу *Бёмер (Böhmer) против Германии*, №37568/97, пп.54 и 56; постановление от 27 февраля 2007 года по делу *Нештяк (Nešt'ák) против Словакии*, №65559/01, пп.88 и 89).

167. Решение об экстрадиции заявителей само по себе не нарушает презумпцию невиновности (см. соответствующее решение по делу *X против Австрии*, № 1918/63, решение Комиссии от 18 декабря 1963 года, Готовой отчет 6, стр. 492). Вместе с тем, жалоба заявителей направлена не против экстрадиции как таковой, а против мотивировки, содержащейся в решениях об экстрадиции. Суд полагает, что решение об экстрадиции может вызвать проблему по п.2 статьи 6 Конвенции, если обосновывающая мотивировка, которая не может быть рассмотрена в отрыве от резолютирующих положений, является по сути определением виновности лица (см. соответственно постановление *Лутс против Германии*, решение 25 августа 1987, серия А № 123, п. 60, и дело *Минелли*, указанное выше, п. 34).

168. Решения об экстрадиции указывали, что заявители должны быть экстрадированы, потому что они «совершили» террористические акты и иные уголовные преступления в Узбекистане (см. п. 68 и 69 выше). Заявление не ограничивалось описанием «состояния подозрения» в отношении заявителей, оно представляло их участие в совершении правонарушений как свершившийся факт, без какой-либо оговорки, даже не упоминая, что они сами это отрицали. Суд полагает, что текст решений об экстрадиции равен признанию вины заявителей, что может побудить публику поверить в их виновность, подорвав таким образом оценку фактов компетентным судебным органом в Узбекистане.

169. Что касается аргумента Правительства о том, что национальные суды не оценивали виновность заявителей, так как им было запрещено национальным правом делать это, Суд отмечает, что заявители пожаловались на заявления прокурора, содержащиеся в решениях об экстрадиции, а не на судебные акты или какие-либо заявления, сделанные судами. Ивановский областной суд решил, что решения об экстрадиции лишь описывали обвинения, выдвинутые против заявителей, и не содержат какого-либо определения их вины (см. п. 72 выше). Вместе с тем, такое толкование не соответствует недвусмысленному тексту решения об экстрадиции, в частности, указанию на то, что заявители «совершили» вменяемые им правонарушения. Оставив в силе решения об экстрадиции, не скорректировав их текст, суды не исправили дефекты акта об экстрадиции (сравн. дело *Минелли*, указанное выше, п. 40, дело *Хаммерн против Норвегии*, № 30287/96, п. 48, от 11 февраля 2003 года и дело *У. против Норвегии*, № 56568/00, п. 45, ЕСПЧ 2003 – II (извлечения)).

170. Таким образом, имело место нарушение п.2 статьи 6 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

171. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения

последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

А. Ущерб

172. Каждый заявитель потребовал 15 000 евро (EUR) за нематериальный ущерб.

173. Правительство заявило, что заявителям не должна присуждаться компенсация за нематериальный ущерб, потому что их права не были нарушены. В любом случае факт выявления нарушения будет являться достаточным справедливым удовлетворением.

174. Суд считает, что достаточное справедливое удовлетворение не будет предоставлено самим фактом выявления нарушения, и что в силу этого должна присуждаться компенсация. Производя оценку на справедливой основе, он присуждает выплатить 15 000 евро каждому заявителю за нематериальный ущерб, а также любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы.

В. Издержки и расходы

175. Основываясь на договорах о выплате гонораров и журнала учета рабочего времени адвоката, заявители потребовали возместить следующие суммы за работу г-жи Соколовой, которая представляла их в национальных судах и в Суде до 1 мая 2007 года:

••••• Г-н Алимов:	1,051 евро;
••••• Г-н Исмоилов:	1,200 евро;
••••• Г-н Касымходжаев:	765 евро;
••••• Г-н Рустамходжаев:	671 евро;
••••• Г-н Махмудов:	887 евро;
••••• Г-н Гьёфтшм:	810 евро;
••••• Г-н Мухамадсобиров:	810 евро;
••••• Г-н Мухаметсобиров:	741 евро;
••••• Г-н Улугходжаев:	876 евро;
••••• Г-н Сабиров:	798 евро;
••••• Г-н Наимов:	727 евро;
••••• Г-н Хамзаев:	873 евро;
••••• Г-н Таштемиров:	883 евро.

176. Кроме того, заявители потребовали выплатить 494 евро каждому за то, что их представляла г-жа Соколова, работа которой была оплачена от их имени правозащитным центром «Мемориал». Заявители утверждали, что их представление в суде после 1 мая 2007 года были оплачено из средств, полученных от суда в порядке правовой помощи. Г-н Алимов также потребовал возмещения 195 евро за почтовые расходы.

177. Правительство утверждало, что заявители не представили каких-либо доказательств того, что платежи были действительно произведены. Устав правозащитного центра Мемориал не предусматривает оказание финансовых услуг для граждан. Поэтому их финансовая помощь заявителям была добровольной и не подлежащей возмещению.

178. В соответствии с прецедентным правом Суда заявитель имеет право на возмещение своих издержек и расходов лишь в той мере, в какой было показано, что они были на самом деле и обязательно понесены, а также были разумными в количественном выражении. Суд удовлетворен тем, что ставки адвоката и

количество заявленных часов не оказались чрезмерными. Тот факт, что часть судебных издержек была оплачена от имени заявителей правозащитным центром Мемориал, не является существенным для целей Статьи 41. Судебные издержки могут рассматриваться как понесенные заявителями в том смысле, что они, будучи клиентами, взяли на себя юридические обязательства оплатить своему адвокату в соответствии с достигнутыми договоренностями (ср. *Дуджеон против Соединенного Королевства* (Статья 50), решение от 24 февраля 1983 года, Серия № 59, § 21). Кроме того, Суд отметил, что заявители представили квитанции с указанием суммы почтовых расходов. Принимая во внимание информацию, имеющуюся в его распоряжении, Суд считает разумным присудить следующие суммы заявителям на их представительство адвокатом г-жой Соколовой, а также любые налоги, которые могут быть взысканы с заявителей по этим суммам:

••••• Г-н Алимов:	1,545 евро;
••••• Г-н Исмоилов:	1,694 евро;
••••• Г-н Касымходжаев:	1,259 евро;
••••• Г-н Рустамходжаев:	1,165 евро;
••••• Г-н Махмудов:	1,381 евро;
••••• Г-н Усманов:	1,304 евро;
••••• Г-н Мухамадсобиров:	1,304 евро;
••••• Г-н Мухаметсобиров:	1,235 евро;
••••• Г-н Улughходжаев:	1,370 евро;
••••• Г-н Сабилов:	1,292 евро;
••••• Г-н Наимов:	1,221 евро;
••••• Г-н Хамзаев:	1,367 евро;
••••• Г-н Таштемиров:	1,377 евро.

179. Суд также присуждает выплатить г-ну Алимову 195 евро за почтовые расходы, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммой.

С. Процент за просрочку

180. Суд считает, что процентная ставка за просрочку должна основываться на средней кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой должны быть прибавлены три процентных пункта.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ПРИЧИНАМ, СУД

1. *Признает* оставшуюся часть жалобы приемлемой единогласно;
2. *Устанавливает* шестью голосами против одного, что в случае исполнения решений об экстрадиции заявителей будет нарушена статья 3 Конвенции;
3. *Устанавливает* единогласно, что имело место нарушение п.1 статьи 5 Конвенции;
4. *Устанавливает* единогласно, что имело место нарушение п.4 статьи 5 Конвенции;
5. *Устанавливает*, единогласно что нет необходимости рассматривать жалобу по п.1 статьи 6 Конвенции;
6. *Устанавливает* шестью голосами против одного, что имело место нарушение п.2 статьи 6 Конвенции;
7. *Устанавливает* шестью голосами против одного
 - а) что государство-ответчик должно выплатить заявителям, в течение трёх месяцев со дня, когда постановление станет окончательным в соответствии с п.2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы, которые должны быть конвертированы в российские рубли по курсу, действующему на день выплаты:

- i) 15,000 (пятнадцать тысяч) евро каждому из заявителей за моральный вред;
- ii) следующие суммы за юридическое представительство:
- г-ну Алимову: 1545 (одна тысяча пятьсот сорок пять) евро;
 - г-ну Исмоилову: 1694 (одна тысяча шестьсот девяносто четыре) евро;
 - г-ну Касимхуджаеву: 1259 (одна тысяча двести пятьдесят девять) евро;
 - г-ну Рустамходжаеву: 1165 (одна тысяча сто шестьдесят пять) евро;
 - г-ну Махмудову: 1381 (одна тысяча триста восемьдесят одно) евро;
 - г-ну Усманову: 1304 (одна тысяча триста четыре) евро;
 - г-ну Мухамадсобирову: 1304 (одна тысяча триста четыре) евро;
 - г-ну Мухаметсобирову: 1235 (одна тысяча двести тридцать пять) евро;
 - г-ну Улугходжаеву: 1370 (одна тысяча триста семьдесят) евро;
 - г-ну Сабирову: 1292 (одна тысяча двести девяносто два) евро;
 - г-ну Наимову: 1221 (одна тысяча двести двадцать одно) евро;
 - г-ну Хамзаеву: 1367 (одна тысяча триста шестьдесят семь) евро;
 - г-ну Таштемирову: 1377 (одна тысяча триста семьдесят семь) евро;
- iii) 195 (сто девяносто) пять евро г-ну Алимову за почтовые расходы;
- iv) любой налог, который может быть взыскан с заявителей с вышеуказанных сумм;

b) что по прошествии вышеуказанных трех месяцев вплоть до выплаты присужденной суммы должен также быть выплачен простой процент на вышеуказанные суммы по ставке, равной средней кредитной ставке Европейского центрального банка в период просрочки, плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке, сообщено в письменном виде 24 апреля 2008 года, в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь

Кристос РОЗАКИС
Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и Правил 74 § 2 Регламента Суда, частично несовпадающее особое мнение судьи Ковлера прилагается к данному судебному решению

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Я разделяю выводы Палаты о приемлемости оставшейся части жалобы, с учетом серьёзности утверждений заявителей. Я также присоединяюсь к её выводам относительно нарушения пп.1 и 4 статьи 5 Конвенции, так как мотивировка Палаты следует подходу, высказанному в деле «Насруллоев против России» (№656/06, постановление от 11 октября 2007 года), согласно которому Суд установил, что правовые положения о содержании под стражей до решения вопроса об экстрадиции не соответствуют требованию «качества закона», в нарушение п.1 статьи 5 Конвенции, и не дают возможность осуществить судебный контроль такого содержания под стражей, что является нарушением п.4 статьи 5 Конвенции.

Моё несогласие касается некоторых других выводов:

1. По моему мнению, установление потенциального нарушения статьи 3 Конвенции «в случае исполнения решений об экстрадиции заявителей» представляет собой радикальное прочтение недавнего постановления по делу «Саади (*Saadi*) против Италии» (№37201/06, Большая палата, постановление от 28 февраля 2008 года) и особенно следующего вывода: «Вес, который следует придавать гарантиям принимающего государства, зависит в каждом конкретном деле от обстоятельств, существующих на определенный момент времени» (см. дело Саади, приведено выше, п.148). Следует вспомнить, что в постановлении Большой палаты по делу «Маматкулов и Аскарлов (*Mamatkulov and Askarov*) против Турции» относительно экстрадиции в ту же страну – Узбекистан – Суд сделал следующий вывод, приняв во внимание гарантии, полученные от узбекского правительства до момента экстрадиции: «В свете имеющихся у него материалов Суд не может сделать вывод, что на вышеуказанную дату имелись существенные основания полагать, что заявители подвергнутся реальному риску обращения, нарушающего статью 3» (см. постановление Большой палаты по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции», №№46827/99 и 46951/99, п.77).

Палата обосновала свой отход от позиции по делу Маматкулова, оценив нынешнюю позицию заявителей в свете эволюции ситуации в принимающей стране, как предусмотрено в нашей правоприменительной практике (...). Я мог бы согласиться с этим подходом, если бы я был убежден, что экстрадиция заявителей неизбежна или даже уже произошла. Но анализ Палатой фактов этого крайне чувствительного и постоянно развивающегося дела останавливается на освобождении заявителей 5 марта 2007 года (то есть более чем за год до принятия постановления!) (п.50) и на определении Ивановского областного суда от 27 марта 2007 года, оставляющем в силе решения об их освобождении (п.51). Согласно информации российских средств массовой информации, заявители покинули российскую территорию, уехав в «третьи страны»; вместе с тем, эта информация не была подтверждена либо опровергнута сторонами, а Суд не потрудился получить информацию о нынешней ситуации заявителей (применение правил 39 и 41 Регламента Суда даёт такую возможность). Как мой коллега судья Зупанчич подчеркнул в своём совпадающем мнении по делу Саади, говоря о «тесте Чохала», *«невозможно доказать будущее событие с какой бы то ни было степенью возможности, так как доказательственное право является логическим, а не пророческим занятием. Таким образом, мало сказать, что применение теста*

Чахала является «в некоторой степени спекулятивным» (см. приведенное выше постановление по делу Саади, совпадающее мнение судьи Зупанчича). Соответственно, я придерживаюсь ясной позиции ненарушения, по сравнению с «пророчеством» либо «в некоторой степени спекулятивностью» именно по причине отсутствия конкретной информации относительно нынешней ситуации заявителей.

2. Второй пункт моего несогласия касается нарушения п.2 статьи 6 Конвенции по причине нарушения презумпции невиновности в связи с формулировкой решения прокурора об экстрадиции. Я согласен с Ивановским областным судом в том, что решение об экстрадиции просто описывает обвинения против заявителей, как они были получены от узбекских властей, и не содержит каких-либо выводов об их вине.

Я напомним, что в своём решении по делу «Золлманн (*Zollmann*) против Великобритании» Суд отметил: «п.2 статьи 6 в его соответствующем аспекте направлен на предотвращение подрыва справедливости уголовного судопроизводства предопределяющими вину заявлениями, сделанными в тесной связи с этим производством. Когда такого производства нет или не было в наличии, заявления об уголовно наказуемом либо ином достойном порицания поведении имеют значение прежде всего для целей защиты от диффамации и адекватного доступа к правосудию и потенциально могут затрагивать вопросы по статьям 8 и 6 Конвенции» (...).

По настоящему делу заявители не были обвинены в совершении какого-либо уголовного преступления в России, против них в России не было начато и не было намерений начать какое-либо уголовное преследование, исход которого мог бы быть подвергнут влиянию заявлениями первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации. Более того, я не считаю, что была установлена какая-либо тесная связь, в законодательстве, практике или фактах, между заявлениями российского прокурора и уголовным судопроизводством, осуществляемым в отношении заявителей в Узбекистане. Я не вижу никакой нужды спекулировать на тему того, как заявления прокурора (несмотря на их строго профессиональную формулировку) могли бы ненадлежащим образом повлиять на судебные власти другого суверенного государства, компетентные определить вину либо невиновность заявителей.

3. Так как я голосовал только за нарушение пп.1 и 4 ст.5 Конвенции, логичным представляется уменьшение размеров компенсации морального вреда. Что касается расходов, связанных с юридическим представительством, я напоминаю, что в других схожих и не менее сложных делах Суд присуждал юристам намного более скромные суммы (1400 евро в деле Насруллоева и 790 евро в деле Гарабаева): простое арифметическое умножение на количество заявителей, на мой взгляд, не является справедливым.